

СЕРГЕЙ ВОЛЬФ

ДОМ В СТО ЭТАЖЕЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

24 коп.

СЕРГЕЙ ВОЛЬФ

ДОМ В СТО ЭТАЖЕЙ

РИСУНКИ Е. АЛЕКСАНДРОВОЙ И В. ГУСЕВА

**ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“
ЛЕНИНГРАД 1964**

Приходилось ли вам, ребята, сесть однажды в грузовую машину, ну, допустим, в Москве или Ленинграде, и через четыре дня оказаться на Чёрном море? За каких-нибудь четыре дня увидеть и лес, и степь, и горы, и море? Повстречаться с медвежонком в лесу, а через пару дней — с крабом под водой? Не приходилось?

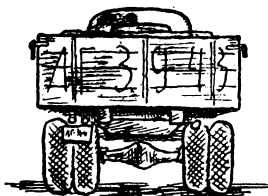
Садитесь тогда в машину вместе со Светкой Мухиной из повести «Дом в сто этажей», и вы всё это увидите своими глазами.

Своими глазами хотел увидеть далёкую незнакомую страну герой рассказа «Айда в Боливию».

Увлечённо слушая парикмахера Петровича, побывал вместе с ним на острове Пасхи герой рассказа «Лети, корабль мой, лети».

Но, путешествуя в страны близкие и далёкие, в мечтах или наяву, эти ребята не становятся просто любопытными туристами, главное — они стараются узнать других людей, познакомиться с ними поближе и научиться с ними дружить.

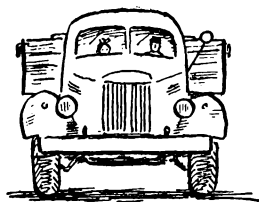
ДОМ В СТО

ЭТАЖЕЙ

МАЛЕНЬКАЯ ПОВЕСТЬ

1. ПРО СИНИЙ БАНТ

Вам, наверное, интересно узнать, откуда у меня такая шишка на лбу. Она теперь не такая большая, как раньше, но вам, наверное, всё равно интересно. Мне, например, это было бы здорово интересно. Поэтому я думаю, что и вам. Если так, то я вам расскажу, — и почему шишка, и про всю мою жизнь за эту неделю.

Во-первых, у меня есть папа и мама. Папу я зову Гриша, а маму просто «мама». Только Гриша просто геолог, а мама повар-геолог. Они вместе всегда уезжают, каждый год уезжают на несколько месяцев. Я очень без них скучаю, но вовсе не расстраиваюсь, когда они едут искать полезные ископаемые, потому что я без них отдыхаю. Уж очень они меня любят. Они

меня одевают во всё самое лучшее, дарят мне всегда целые кучи игрушек и следят за моим поведением. «Не говори этого, не делай того, не сиди так, не замочи ноги, не пой на улице, не спи на левом боку, не соси палец, не пускай стрёлки в окно...»

В общем, я без них отдыхаю. А когда отдохну, тут-то они и приезжают. Мама такая красивая всегда, до неузнаваемости. Ну, просто самая красивая. Это, конечно, её дело, если хочет быть поваром, пусть будет поваром, но вообще она такая красавица, что прямо как эти... кинозвёзды. Даже покрасивее. Только Кларушка с ней и может сравниться. Кларушка — это наша учительница по пению в школе. На уроках мы, конечно, называем её по имени-отчеству, а когда без неё про неё говорим, то просто Кларушка. Все её у нас любят, а я так просто от неё без ума. Она такая молоденькая-молоденькая и такая красивая. Если бы эти кинозвёзды её увидели, да ещё когда она поёт, они бы поумирали от зависти. Ой, как она поёт! Сразу видно, что любит это дело больше всего на свете. И я люблю. Особенно я на улице петь люблю. Всегда пою. Даже если какие-нибудь неприятности. Запою — и сразу всё по-другому. Будто всё хорошо. Только Гриша с мамой мне петь на улице не велят. Следят за моим поведением.

Теперь, во-вторых... хотя лучше всего просто, без «во-вторых» и «во-первых». Так вот, кроме Гриши и мамы, была у меня ещё сестрёнка. Звали её Катька, и когда мне было семь лет, ей было целых четырнадцать. И вот однажды случилось знаете что? Пришли к нам какие-то тётя и дядя и стали Катьку обнимать, целовать... Плакать стали. И Катька вдруг стала плакать. А потом и Гриша с мамой заплакали. И мне захотелось. Просто стоим и все плачем. Потом мне

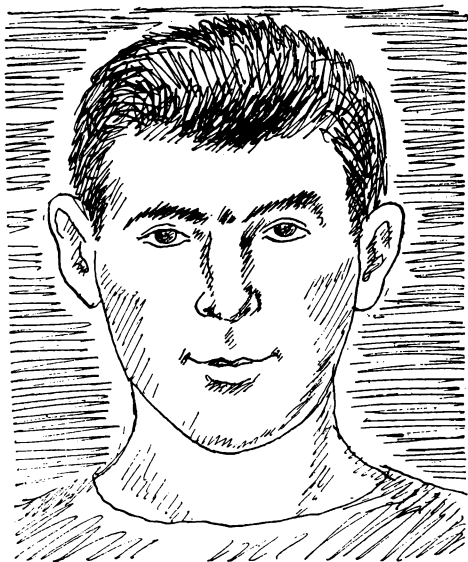
сказали, что дядя-то и тётя — Катькины папа и мама. Она у них в войну пропала, а Гриша с мамой её взяли и сделали своей дочкой. Мне об этом раньше не говорили, чтобы Катька от меня не узнала, что она приёмная. Зачем ей об этом знать, она ведь всё равно как родная.

Вот и уехала от нас Катька. Знаете, как все плакали? Потом всё-таки перестали. Теперь Катька на юге живёт, где-то в степи, в колхозе, с мамой и с папой. Они к нам иногда в гости приезжают, а мы к ним. Только, по правде говоря, меня туда ни разу не брали, не помню уж почему.

И ещё у меня есть дядя. Мамин брат. С нами живёт. Только вы не думайте, что он такой уж дядя, совсем настоящий. Для меня он просто Павка, Павлик. Я его иногда Павличек зову. Мы с ним здорово дружим, хотя мне нет ещё десяти лет, а ему двадцать два. Вообще-то Павка не такой уж большой, а всё-таки большой. Он уже в армии служил. Когда вернулся, стал работать в каком-то комбинате. Там щётки делали. Всякие. Зубные, пол натирать, для подметания — всякие. Ерунда, в общем. Конечно, щётки нужны, без них жизнь была бы просто трудной, но мне не нравилось, что Павка щётки делает. Позор для дяди. Да и ему это щёточное дело скоро надоело. Видно, здорово оно ему надоело, если он даже вилку щёткой называть стал.

В общем, он оттуда ушёл и стал шофёром. И сейчас он шофёр. Это дело ему очень нравится, он ещё в армии был шофёром, и мне даже непонятно, зачем он сначала за щётки взялся.

Так вот, если бы не Павка, никакой шишки на лбу у меня не было бы, да и вообще мне не о чем было бы вам рассказывать.

В то утро Павка разбудил меня рано-рано, часов в шесть, хотя летние каникулы уже начались.

— Вставай, — говорит, — надо тебя в порядок привести. Смотри, пока я буду в поездке, думай об отличном поведении. Сейчас будем тебе бант повязывать. Синий.

Как только он это сказал, кончилось моё терпение, я — бряк на пол и... Ой! Что же это я?! Вот это да!

Вот это у меня память! Совсем я вам забыла сказать, что я ведь девочка. Болтала, болтала, а про это забыла. Ну конечно! Зовут меня Светка. А фамилия моя Мухина. И учусь я во 2-м «Б». В третий уже перешла. Я самая маленькая в классе. По росту, конечно. Только всё равно меня первую замечают. Из-за банта. Бант у меня надо всеми торчит. Огромный. Это Павка виноват, я об этом ещё расскажу. Про то, в чём он виноват. У нас, знаете, какие прозвища в классе дают? Разные. Даже представить себе трудно. Вот меня, например, легче всего Мухой звать. Потому что у меня фамилия такая, и потому что я ростом маленькая. Но меня всё равно по-другому зовут: «Светка-конфетка». А самый мой большой враг — Вовка Тузов, Тузик. Он самый сильный в классе и больше всех меня дразнит. Он в нашем доме живёт. Злой человек.

---

2. У МАШИНЫ ЧЕТЫРЕ КОЛЕСА

Так вот, значит, лежу я на полу и молчу. Совсем рано ещё, шесть часов утра, а я на полу лежу. И не потому, что я капризная. Просто моё терпение лопнуло. А Павка ходит по комнате с синей лентой в руках и меня уговаривает. Вот он какой человек, мой дядя. Ужас.

А я лежу и молчу. Надоела мне такая жизнь. Когда Гриша с мамой уезжают, от них-то я отдыхаю, но вообще я совсем не отдыхаю. Из-за Павки всё, потому что он меня очень любит и следит за моим поведением. Больше, чем Гриша с мамой. Он почти всю получку на меня тратит, платья мне покупает, туфли, кружева всякие, пирожные, конфеты, игрушки зачем-то — вот как он меня любит. И всё про

поведение говорит. Чтобы я была красивая, послушная, училась хорошо, вежливая была и ещё — скромная.

Петь он мне на улице не разрешает, говорит: «Иди чинно»; если я, например, хочу в снежки поиграть, он мне велит сидеть дома и вышивать. И вот что смешно: когда я в школу прихожу, я ничего сделать, как другие, не могу. Вот странно, да? Вы, наверно, думаете, что если мне дома жизни нет, так я в школе всё по-своему делаю. Ничего подобного. В школе я не смеюсь, не бегаю, не шучу, тихая такая сижу. Важная. Послушная. Вообще-то в школе так и надо — тихо себя вести, но я ведь и после школы такая, даже когда мы все домой идём. Это они меня переделали, Гриша, мама и особенно Павка. Я такая важная всё время, чинная, скромная. Я бы хотела, как другие, побегать, даже, может быть, подраться, честное слово, только ничего у меня не выходит. Да и неловко как-то: всегда огромный бант на голове, воротничок крахмальный, большой, да ещё кружева какие-нибудь. Из-за этого меня и зовут Светка-конфетка. Особенно Тузик дразнится. Вовка Тузов. Он мне зимой, например, говорит:

— Подержи клюшку.

— Давай, — говорю.

Он дал и как захохочет:

— Ха-ха-ха! Кто же так держит клюшку? Вверх ногами. Конфетка!

А я ведь и правда не умею. Хотела однажды гвоздь забить — и раз себе по пальцу!

— Никаких трудовых навыков, — сказал наш октябрятский вожатый Женя из 8-го «А».

Так вот, значит, лежу я на полу и не хочу бант завязывать. Павка мне каждое утро новый бант повязыв-

вает. Сделает из меня куколку и бежит на работу. А я в школу иду сама не своя.

Сегодня Павка на десять дней уезжает. Он на своей машине к Чёрному морю едет, повезёт туда разные аппараты для какого-то кинофильма, там кинофильм снимают, а Павка ведь шофёром на студии работает, я забыла сказать. Теперь десять дней тётя Маруся, соседка, будет за моим поведением следить и чтобы я банты утром повязывала: её Павка попросил.

Я, значит, лежу на полу, а Павка расхаживает по комнате и так спокойно мне говорит:

— Вставай, вставай. Не надо лежать на полу. Сейчас мы тебе бант сделаем. Нужно красивой быть. Вставай, а то запачкаешься или простишься и вообще.

А я лежу и молчу.

— Ну, вставай, — говорит, — пора привести себя в порядок. Синий бант — что может быть лучше?

А я лежу и молчу и делаю вид, что ничего не слышу. На кошку смотрю. Это не наша кошка, бабушки Берты, Гришиной мамы. Бабушка Берта к своей подруге в Житомир поехала, в гости на три месяца. Она еле-еле Гришу с мамой уговорила на это время взять к нам Ласточку. Гриша с мамой всё неткали, не хотели брать; они животных любят, а кошек терпеть не могут. Только баба Берта их уговорила; она кого хочешь уговорит, вроде Павки она.

— Вставай, вставай, Светик, — говорит Павка. — Пол холодный. Пора уже встать. Давай бантик повяжем.

Ласково так говорит, а я лежу, молчу и чувствую, что вот ещё немного, чуть-чуть ещё, и он меня уговорит. Сколько раз так бывало.

Тогда я решила про что-нибудь другое думать, чтобы совсем Павку не замечать и не поддаваться.

Стала про Чёрное море думать. Там жарко, красиво, вода такая тёплая, синяя, даже зелёная чуть-чуть — я на картинке видела, сама я ведь там не была. Хорошо бы там поплавать. Плывёшь, на волнах качаешься, вверх-вниз, вверх-вниз. Можно весь день плавать, такая там теплынь. Только я ведь плавать не умею. Они меня вообще к воде не подпускают. Я, наверное, в классе единственная такая.

— Смотри, какой бантик, — говорит Павка. — Сплошное загляденье. Вставай, Светочка.

И вдруг я села и как крикну:

— Нет!

— Это как же так «нет»? — удивился Павка.

— Нет и нет. Ни за что. И не думай.

— Ну, — сказал Павка, — что это с тобой?

— Ничего, — говорю, — не хочу я, чтобы тётя Маруся за моим поведением следила. Я хочу с тобой поехать, к Чёрному морю.

— Что-о?! — сказал Павка, потом охнул и сел.

— Вот то, — говорю. — Еду с тобой. А не возмёшь, я пойду и утоплюсь.

— Ка-ак?! — говорит он.

— Так. Пойду и утоплюсь. И не будет меня. Плавать-то я не умею. Так и знай. Лучше уж возьми меня с собой.

— Нет, — сказал он. — Нет, нет и нет. Это опасно.

— Тебе не опасно, а мне опасно?!

— Нет — и всё! Туда пять дней ехать, обратно пять. Нет. А где ты спать будешь?

— Где и ты.

— Я в машине сплю.

— Ну и я.

— Что-о?! Нет, нет. Всё.
— Тогда утоплюсь, — сказала я, — или убегу.
— Только посмей! — говорит Павка.
— Ладно-ладно, поезжай, — говорю, — потом сам увидишь. Ещё поплачете.

— Да-а, — сказал Павка. — Что же это, а?
— Поезжай, поезжай, — говорю.
— Нет, ты серьёзно? — говорит Павка.
— Сам потом увидишь, — говорю.

Павка задумался. А я сижу на полу, жду, а у самой сердце колотится.

— Та-ак, — сказал Павка, — ребёночек растёт.
— Скоро утону, — говорю я, — лучше уж возьми меня с собой, а, Павка? Жалко ведь всё-таки, если утону. Мне знаешь как себя жалко! Уж лучше поедем, а? Тогда и бант сейчас повяжем.

— Да-а, — сказал Павка, — дожили. Довоспитывали ребёнка. — Ладно! Едем! — вдруг сказал он.

Ой! Что тут было! Ласточка прямо заметалась по комнате — так я с полу вскочила и к Павке бросилась. Повисла у него на шее. Хохочу и целую его.

— Павличек, Павличек, — говорю, — дядя мой ненаглядный.

— Ладно, ладно, слезай, — стал меня уговаривать Павка, — собирайся. Твои меня убьют, когда узнают.

— Не убьют, Павличек, нет! Только поругаются маленько. Ничего. Не бойся. А то бы я утонула. Совсем бы ведь плохо было!

— Ладно, ладно. Собирайся. Зубную щётку возьми, мыло, пасту, одеколон, носки, ленты. Да, бант повяжи! Платье приготовь. Я сейчас на студию поеду, погрузить всё надо, потом заеду в магазин, надо тебе спортсменки купить, а то в чём ты поедешь.

— Да, — говорю, — и брюки какие-нибудь, а то ведь платья-то перепачкаю.

— Да, да, — говорит Павка, — конечно.

— Купи рубашку клетчатую, — говорю, — и майку.

— Всё, всё, — говорит, — всё куплю. Бант повяжи. Привет.

И уехал. А я собираться стала... Два часа незаметно пролетели. А потом я целых три часа мучилась, дожидаясь Павку. Всё из окна выглядывала, не идёт ли его машина. Еле дождалась.

Павка мне рубашку привёз красивую, и ещё он где-то мне брюки достал, с лямками, комбинезон называется, и спортсменки. Я всё на себя надела, потом мы Ласточку отдали тётке Марусе, закрыли дверь на ключ и пошли в машину садиться.

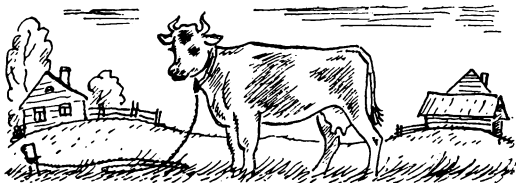
— Вот смотри, это машина, — сказал Павка.

— Да ну? А я думала — лошадь, — говорю.

— Не балуйся, води себя прилично и слушай, — говорит Павка. — Вот это дверца. Всего у машины четыре колеса.

— Ну, — говорю, — теперь я всё знаю. Поехали.

---

3. ВОТ КАКАЯ ПЕСНЯ

Хорошо сидеть в кабине. Как в маленьком домике. А домик на месте не стоит, всё время едет. Хорошо ехать.

Мы уже почти целый день едем. Когда Павка за рулём сидит, он какой-то другой делается. Ещё бы, ему нужно внимательным быть. Вот он и сидит внимательный. Крутит баранку. Баранка — это руль так называется. Я это совсем недавно узнала, час назад, когда Павка остановил машину, сказал, что нужно заправиться, и тогда из белого домика вышел дяденька, вынес какую-то кишку, вставил её в нашу машину, налил нам бензин, и мы заправились. Я стала руль крутить, а Павка говорит: «Не тронь баранку». Все, кроме меня, наверное, давно знали, что баранка — это руль, а теперь и я знаю.

Хорошо ехать. Кругом поля, вон речка течёт, солнышко садится, мимо синенького домика проехали, а вон корова стоит, на нас смотрит, рогатая такая, рыжая, а вон ёлочки растут, маленькие, как игрушечные, а теперь снова поля — и вдруг я запела.

— В чём дело? — спросил Павка.

— Пою, — говорю, — разве не ясно?

— Ясно, — сказал он, — но почему?

— Так, — говорю, — нипочему. Просто попеть захотелось. Здесь ведь не улица.

— Да-а, — сказал Павка, — сообразительный ребёнок, — и замолчал.

А что он может сказать? Действительно, здесь ведь не улица.

И я снова запела.

Сначала я спела «Широка страна моя родная», потом «До чего же хорошо кругом», потом «Цып-цып-цып-цып, цыплятки», потом «За черникой, голубикой», ещё я спела «Мой Вася», а потом снова «До чего же хорошо кругом».

Тут я маленько запыхалась, передохнула и, знаете, вдруг сама сочинила песню. Честно, я не вру. Называется: «Машина наша мчится».

Машина наша мчится,
А всё кругом цветёт,
А всё кругом ликует,
А всё кругом поёт...

По-моему, ничего, а? Только, если вам не очень нравится, вы не смейтесь, ладно? Я никогда ведь раньше песен не сочиняла. Как-то не приходилось.

Сижу и пою:

Ведёт машину Павка.
Я так его люблю.

Шофёр он замечательный,
Та-ра, ту-рум-бум-бум...

И вдруг я слышу, — что такое? Кто-то поёт мою
песню!

Машина наша мчится...

Кто бы это мог петь?! Гляжу, а это Павка, Павличек поёт!

И мы стали петь вместе:

Мы мчимся, мчимся, мчимся,
А всё кругом цветёт,
А всё кругом ликует,
А всё кругом поёт.

Так и пели целый час, пока солнышко не село.

---

4. ТЁТЯ ГРУША

— Ну, всё, — сказал Павка, когда стало темнеть, — спать тебе пора, — и остановил машину у какого-то домика.

Мы вылезли из машины и пошли к этому домику. Знаете как легко бегать, когда целый день в машине сидишь! Прямо будто летишь. Приятно. Я даже удивилась, что Павка не стал, как я, бегать, и спросила у него: почему?

Павка мне ничего не ответил, а постучал в дверь домика.

Дверь открылась, и вышла тётя Груша.

— Здравствуйте, — сказал Павка.

— Здравствуйте, — сказала тётя Груша.

— Здравствуйте, — сказала я.

— Здравствуйте, здравствуйте, — сказала тё-
тенька.

— Вот какое дело, — сказал Павка. — Мы с моей племянницей едем к Чёрному морю, везём кое-что для одной киностудии. Я шофёр, а вон наша машина. Я буду здесь спать, возле машины, а вот мою племянницу вы не могли бы к себе взять, в дом? Я вам раскладушку дам, у нас две.

— Отчего же, — сказала тётенька, — проходите, проходите.

Она повела нас в комнату и усадила за стол. Мне вдруг так спать захотелось, что я даже не стала по сторонам смотреть, а мне всегда интересно, что за место, где я нахожусь.

— Тебя как зовут? — спросила у меня тётенька.

— Света, — сказала я. — А вас?

— А меня тётя Груша, — сказала она.

— Тётя Яблочко, — засмеялась я.

— Светлана! — строго сказал Павка.

Тётя Груша тоже засмеялась, сказала:

— Ничего, ничего. — И добавила: — Ах ты, муха маленькая!

— Откуда вы знаете?! — Я ужасно удивилась. — Ведь моя фамилия Мухина.

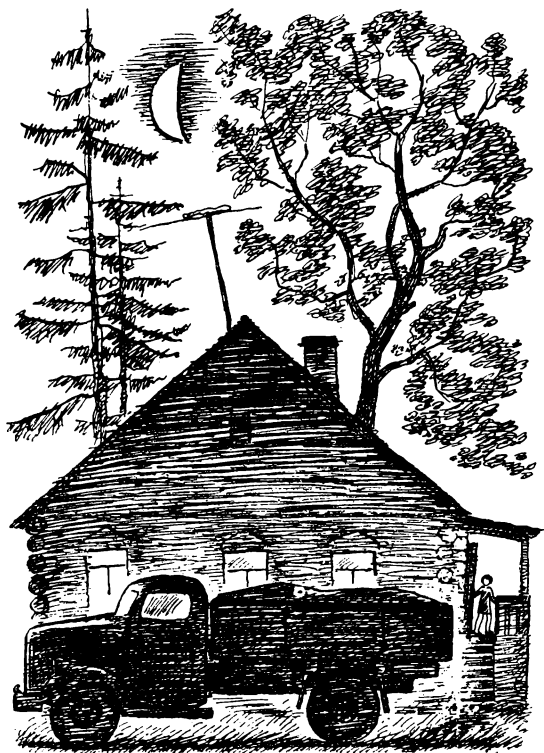
— Цокотуха, — сказала она, но мне ничего не ответила, а так плавно встала и поставила на стол большую-большую банку с молоком.

— Ну-ка, давайте поужинаем.

— Ой, что вы, что вы! — заговорил Павка.

— Со мной не спорить, — строго сказала тётя Груша. Тогда Павка побежал в машину и принёс масло и колбасу.

Потом я выпила стакан молока. Дома меня всегда уговаривают молоко пить, а здесь я вдруг почему-то

сама, и даже очень вкусно было. Только я ничего есть не стала, так мне спать хотелось.

— Раскладушку не надо,— сказала тётя Груша,— я её вот сюда.

Она посадила меня на высокую-высокую кровать, там было мягко-мягко, я закрыла глаза и уснула.

Засыпая, я успела услышать, как Павка ругал студию, что ему дали открытую машину и всё приходится закрывать брезентом. А тётя Груша сказала, что у них в колхозе начальство тоже бе-за-ла-бер-но-е. А потом уж я ничего не слышала, уснула.

Проснулась я оттого, что очень жарко. Сначала я вообще не поняла, где я, а потом вспомнила и рас-смеялась. А после взяла и обиделась. Вот Павка, вот дядя, а? Накрыл меня одеялом — такая жара. Сам небось на чистом воздухе лёг, а меня тут уложил, что-бы я не простудилась, наверное.

Обиделась я, слезла тихонечко с кровати, взяла одеяло и тихо-тихо выбралась из дома.

Ночь была, только белая, и всё очень хорошо видно.

Вот машина стоит. А вот и Павка. Хитренький. Ему здесь хорошо, не жарко. . . Спит.

Я положила одеяло на траву и тихонько в машину забралась. Стала вторую раскладушку доставать. Еле-еле её с машины на землю стащила, а потом, когда сама слезать стала, всё-таки раскладушкой грохнула.

— Что?! Что?! — спросил Павка спросонья.

Я перепугалась и за машину спряталась. Павка поворочался и снова уснул. Крепко спал. Ещё бы!

Я сначала поползала вокруг Павки и посмотрела, как он эту раскладушку поставил. Я ведь никогда

раньше раскладушки не раскладывала. Кое-как сообразила. Легла. Одеялом укрылась и сразу же уснула.

И приснился мне сон. Будто я сижу возле Чёрного моря, и там жарко-жарко. А потом волна подкатила и — плеск мне в лицо! Всё лицо мокрое стало. А потом ещё одна, большущая, зелёная, — р-раз!

Я проснулась, открыла глаза и чуть не закричала. Я так перепугалась, что мне даже и не крикнуть было. Стоит около меня огромная корова и лижет меня в лицо. Я раскрыла рот и боюсь даже пошевелиться. А большущая корова наклоняется и снова лижет меня в лицо. Язык такой шершавый, мокрый и тёплый. Я вдруг бояться перестала и тихо засмеялась. И тогда большущая корова сама напугалась, подняла голову, и я увидела, что вовсе это не большущая корова, а маленький телёночек, даже рожки у него ещё не выросли. Стоит и смотрит на меня и моргает, а солнышко уже взошло, и птички поют.

— Не бойся, не бойся, — сказала я телёночку. — Слышишь?

Он услышал, наклонился и снова лизнул меня.

— Павка, Павка, — сказала я, — посмотри-ка.

— Что?! Что?! — заорал Павка и вскочил. Телёночек испугался и отбежал в сторону.

— Пшла, пшла, корова! — замахал на него Павка руками. — Пшла!

— Павка! — стала хохотать я. — Павличек, успокойся, это же телёночек, Павка!

— А ты-то здесь откуда взялась? — набросился он на меня. Стыдно ему, наверное, стало, что коровы испугался.

— Я не взялась, я здесь всё время была, — говорю.

— Враки. Ты же в доме легла.
— Всё ты напутал, — говорю.
— Ты мне брось, — говорит он, — враки врать.
— А ты думаешь, хорошо там в жаре лежать? —
говорю. — Я взяла и ушла.
— А кто тебе раскладушку поставил?
— Как «кто»? Сама, конечно.
— Горе мне с тобой, — сказал Павка. Потом огля-
делся и сказал: — Ехать пора.

Тут из дома вышла тётя Груша.

— Куда это наша маленькая мушка делась? — го-
ворит. — Убежала? Я просыпаюсь, а её нет. Ишь ты.

— Мне жарко стало, я и ушла, — сказала я.

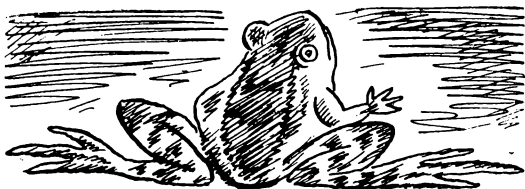
— Пошли завтракать.

— Ой, нет, ой, спасибо, — заговорил Павка. — Нам ехать пора.

— Молочка, молочка, — сказала тётя Груша, потом убежала, прибежала и дала нам по стакану молока и целую авоську огурцов.

Мы выпили молоко, сказали тёте Груше «спасибо», положили в машину раскладушки, я попрощалась с тётей Грушей и телёночком, Павка важно пожал тёте Груше руку, потом мы сели в машину, тётя Груша помахала нам, а мы ей, потом я ей гуднула в гудок на прощанье, Павка рассердился, и мы поехали. К Чёрному морю.

---

5. ДОМ В СТО ЭТАЖЕЙ

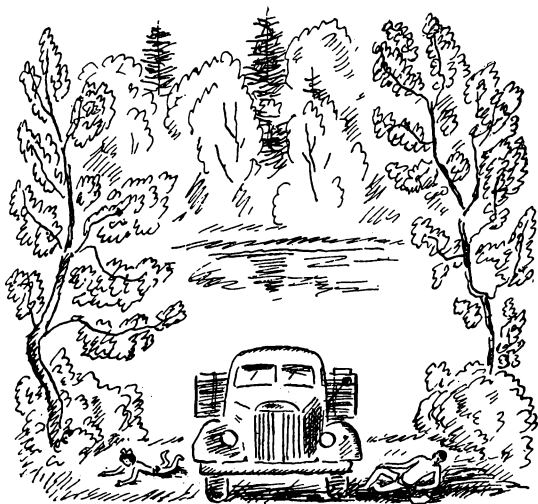
Днём мы привал устроили. Возле какого-то озера. Жарища была ужасная. Мы прямо извелись. Павка иногда открывал дверцу и вёл машину, стоя на подножке. Так ему было легче, его ветерком обдувало. Но я за него очень боялась и уговорила его сделать привал.

Озеро нам попало хорошее, песочек на берегу.

Павка немного поплавал, а мне только у самого берега позволил в воде полежать. Потом мы поели тёти Грушиных огурцов с хлебом, и Павка стал учиться. Сел под куст и стал учебники читать. Он в институт поступать собирается.

А я ещё немного поплескалась у берега и легла на песок загорать.

Лежу, загораю и вдруг вижу — сидит около меня лягушка и смотрит на меня. Я на неё, а она на меня.

И вдруг я стала хохотать. Лежу и хохочу и остановиться не могу.

— Что опять?! — крикнул Павка. — Смотри не утони! Смотри не сгори! Что у тебя там?!

— Смо. . . ох! — говорю. — Ха-ха! Ой, смотри!

Павка подбежал ко мне, увидел лягушку и стал ругаться, что ему надо в институт поступать, а тут всякие глупости и лягушки.

— Нет, ты посмотри, — говорю, — какая у неё мордочка! На кого она похожа?

— Глупости, — говорит Павка, — на лягушку.

— Ох, — сказала я. И как захохочу опять. — На тётю Марусю она похожа, во-от! На соседку.

— Не смей так о старших говорить! — прикрикнул на меня Павка.

— Да нет же, Павка, она очень славенькая. Лягушечка, лягушечка!

Я захотела потрогать её.

— Не смей! — крикнул Павка. — Бородавки будут!

Лягушка испугалась и ускакала. Вечно Павка всех пугает. Такой нескладный.

— Это от жаб, — говорю, — бородавки. Я читала. А от лягушек — нет.

— Всё равно, — говорит Павка, — не смей! И про старших так говорить не смей.

— Ладно, — согласилась я. — Иди, учись.

Павка ещё поучился часок, мы искупались опять и сели в машину.

— Это что? — спросила я.

— Всё тебе надо знать!

— Да, — говорю, — а что это? Вот это.

— Это называется «зажигание».

— Машину «зажигать», — говорю. — Понятно. А это?

— Спидометр. Сколько километров в час едем, показывает.

— А это?

— Не трогай! — крикнул Павка.

Но я уже тронула.

И мы поехали.

Павка остановил машину, злой такой, бледный.

— Уходи из машины, — говорит.

— Куда?
— Куда хочешь. К волкам. Выходи.
— Ой, Павка, — сказала я. — Павличек, я больше не буду.
— Забудь про то, чтобы это трогать, — говорит. — Горе с тобой!
— Забуду, — говорю. — Вот честное слово!
Он мне ничего не ответил, и мы поехали. Целый час мы молчали. Я молчу, и Павка молчит, злится.
— Павличек, — сказала я наконец.
А он молчит. Не замечает.
— Павличек, — говорю. — «Машина наша мчит-ся», — и запела:

А всё кругом цветёт.
А всё кругом ликует...

Молчит. Простить меня не может.

Ведёт машину Павличек,
Я так его люблю!

Спела и молчу. Гляжу на него.
— Перестань, — вдруг говорит он. — Ой, перестань! — и как захохочет.
И я стала хохотать.
А потом мы оба запели:

Мы мчимся, мчимся, мчимся...

Целый час пели.
Вдруг — стоп машина! Что такое?!

Гляжу, подходит к машине какой-то дяденька, курносый, в кепке.

— Не подбросишь, хозяин? — спрашивает.

— Садись, — говорит Павка.

— Мне недалеко, — говорит курносый.

Он сел, и сразу стало тесно. Я обозлилась. Вот теперь и петь нельзя. Сажу и злюсь. Злилась, злилась и вдруг запела. Свою песню. Гляжу на Павку, а он мне подмигивает и тоже начинает петь. Спели один раз, снова начали. И вдруг курносый запел с нами. Мы здорово спели. Все втроём.

— Чья песня? — говорит курносый. — Замечательная.

Я покраснела и говорю:

— Это мы с Павкой сочинили.

— Очень даже здорово, — говорит курносый. Симпатичный такой. — Молодцы. А я каменщик. Мы здесь колхозный клуб строим. Туда и еду. Километров двадцать осталось. А вы куда?

— А мы к Чёрному морю, — говорю.

— Ого, — говорит курносый. — Молодцы.

— А хорошо быть каменщиком? — спрашиваю я.

— Как тебе сказать. По-моему, самое хорошее дело.

— Тогда я буду каменщиком, — говорю, — каменщицей. И построю огромный дом, в сто этажей. И соберу туда всех, кто мне нравится. Павличка, Гришу, маму, Катьку-сестру, её папу и маму, тётю Грушу, Кларушку, может быть даже бабу Берту, чтобы Гриша не обиделся, и тебя.

— Спасибо, — сказал курносый.

— И ещё, — говорю, — тётю Марусю, — а сама смотрю на Павку. — Только я бы Павку и Гришу с мамой и тётю Марусю поместила бы внизу, а сама бы наверху жила, чтобы они за моим поведением не следили.

— А что у тебя такое с поведением? — спросил курносый.

— Оно у меня не отличное, — говорю, — оно, — говорю, — у меня никуда не годится, поэтому я бы с ними на одном этаже жить не стала, а Вовку Тузова я бы туда вообще не пустила, в этот дом.

— Вовка Тузов — это кто? — говорит курносый.

— Никудышный человек. В нашем классе учится, — сказала я. Я хотела ещё рассказать про то, какой Тузик здоровый и как он меня дразнит, но курносый вдруг сказал Павке: «Здесь, здесь», — Павка остановил машину, и курносый стал с нами прощаться.

ся. Он вынул из кармана деньги и положил Павке на колени, а Павка взял деньги и положил курносому обратно в карман. Они сделали так ещё раз, я засмеялась, а курносый сказал: «На нет и суда нет», — захлопнул дверцу, помахал нам рукой, и мы поехали.

— Ты почему деньги не взял? — спросила я.

— Потому что у него их мало.

Я хотела спросить: «Откуда ты это знаешь?», — но спросила: «А если бы было много?» — все ведь вопросы сразу не задашь.

— Всё равно не взял бы, — сказал Павка.

— Почему?

— Потому что своих хватает.

— А если бы не хватало, а у него бы много было?

— «Если бы, если бы», — Павка стал сердиться.

— А что такое «на нет и суда нет»?

— О-о-о, — сказал Павка и закрыл глаза. Только тут же снова открыл, всё-таки ведь машину ведёт. — Это такое выражение. Ты можешь убить человека своими вопросами. А теперь молчи, я устал. Через час будем дом искать для ночёвки.

— Кому дом?

— Тебе, тебе.

— Мне не надо, — говорю, — я без него обойдусь. Как ты, буду спать.

— Светлана, — сказал Павка. Не люблю я, когда он меня Светланой называет. — Светлана! Или— или. Или будешь спать, где я велю, или вылезай и иди к волкам. . .

— Или, — сказала я.

— Что «или»? — рявкнул он.

— К волкам, — сказала я.

— Хорошо, — согласился он, — иди, — и остановил машину.

Я вылезла и пошла в лес. Иду, песенку пою. Далеко ушла. Вдруг догоняет меня. Рывкнул опять что-то, схватил меня за руку и потащил к машине. Сели, поехали и опять молчим. Я сначала еле сидела, так мне засмеяться хотелось, а потом вдруг грустно мне стало и жалко Павку. Тяжело ему всё-таки со мной. Факт.

— Павка, — говорю, — ты же сам сказал: «Или-или». Не сердись.

— Молчи, — сказал он.

Я помолчала и спросила:

— А где мне спать?

— Где хочешь, — говорит.

— Павличек, — обрадовалась я, — умница мой. Я не простужусь, вот увидишь. Я закалюсь.

— Ладно.

— Я буду как ты. И вообще, я передумала.

— Что опять?

— Я построю дом в сто этажей и возьму тебя туда жить.

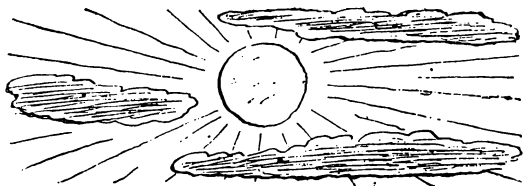
— Ты уже говорила.

— Говорила, говорила. Только, когда я к волкам шла, я передумала. А теперь обратно передумала.

— Я счастлив, — сказал Павка.

И мы помирились.

---

6. ПРОЩАЙ, МОЁ КРАСНОЕ ПЛАТЬЕ

— Павка, — сказала я. — Знаешь что? Я открою рот, а ты туда погляди.

Павка даже не стал спрашивать зачем. Он был в хорошем настроении.

— Через пару часов, — сказал он. — Не могу же я и в рот тебе смотреть, и машину вести.

— Хорошо, — сказала я. — Только не забудь.

Мы вчера с Павкой в лесу ночевали. Я нарочно притворилась, что ужасно спать хочу, стала говорить, что уже совсем-совсем засыпаю и что, если усну, ему нужно будет меня на руках таскать и всё самому на ночь устраивать.

Конечно, было очень страшно, но мне вдруг стало противно оттого, что я боюсь, и я решила быть смелой.

Лежу, смелая такая, а сама боюсь. Павка сразу же захрапел, я одна совсем, только звёздочки наверху и что-то шуршит в кустах. «Ш-шш-ш-шш, хруп-трук», — я боялась-боялась, слушала-слушала... и уснула.

А когда проснулась, солнышко уже взошло. Я посмотрела наверх, и вдруг мне бац еловой шишкой по носу. Гляжу, а там птичка сидит и кидает вниз шишки. Я разбудила Павку, и он сказал:

— Это клёст.

Пока мы с Павкой ели огурцы, хлеб и колбасу и пили воду из ручья, клёст всё бросал вниз шишки и бегал по стволу быстро-быстро, туда-обратно, вверх-вниз.

— Помнишь клеста? — спросила я Павку, когда он наконец остановил машину. — Как это он так может, вверх-вниз?

— У него коготки большие и острые, — сказал Павка. — Ну, давай вылезай. Отдых. Ты что будешь делать?

— Я по лесу погуляю, а ты?

— Я буду учебники читать. А ты в лес не ходи далеко, здесь, возле машины погуляй, где я буду сидеть. И надень красное платье, для меня. Надоела ты мне в своём комбинезоне.

— Ой, Павличек, — заупрашивала я, — ой, ну зачем платье?

— Не ной, — сказал Павка, — и сделай мне одолжение, надень платье. Я ведь тебе позволил в лесу ночевать.

— Ну, это враки, — не согласилась я. — Я сама тебя заставила, а не попросила.

— Надевай, надевай.

— И всё-таки я сама, — сказала я, — возьму и сделаю тебе одолжение, а не потому что ты меня заставил.

— Конечно, — сказал Павка, — это я тебя попросил. Верно.

И я надела красное платье. И пошла гулять в лес около машины, а Павка сел читать учебники.

Сначала я погуляла около машины — ничего интересного. Потом подалее отошла — немного лучше. А потом решила, что ещё маленько отойду, чтобы дороги не было видно, будто кругом лес, я одна, и ни души.

Так и сделала. Пока через кусты лезла, всё платье в каком-то пуху измазала. Села пух выбирать из платья — не сообразила, что ещё ведь обратно идти.

Сижу, выбираю и представляю себе разные вещи. Вот, например, я иду по лесу одна и вдруг — медведь. И на меня. Я от него, а он за мной. Я на дерево... «Ох, — подумала я, — как же быть? Я ведь по деревьям лазать никогда не лазала, не умею».

Подумала так и обернулась. Ах! Стоит медведь! Я хотела крикнуть, а получилось только шёпотом. Тогда я вскочила и побежала, а медведь за мной. Бегу, бегу и всё думаю: «Куда бы залезть? Куда бы залезть?!» — а кричать не могу. А он за мной. А лезть некуда, только на дерево, а я ведь не умею. И вдруг я — р-раз! — и полезла на дерево, даже думать забы-

ла, что не умею. Даже удивляться не стала, что получается. Просто лезу и всё. Залезла немного и села на ветку. Поглядела вниз, смотрю, а медведь лезет за мной. И тогда я полезла по ветке и стала кричать: «Па-авка! Па-а-авка-а!!»

— Что-о? — ответил Павка.

— Сю-ю-да-а! — закричала я. — Ме-две-едь!..

Павка как ужаленный бежал, только кусты трещали.

Медведь, как его увидел, с дерева слез, встал на задние лапы и зарычал.

А Павка взял с земли какую-то палочку и стал ею на медведя махать.

Я хотела как-нибудь поудобней на ветке сесть, чтобы посмотреть, чем всё это кончится, но вдруг сорвалась, зацепилась за что-то платьем и повисла. Я, наверное, столько шуму наделала, что медведь вдруг испугался и побежал, я только и успела заметить, что он небольшой, совсем ещё маленький медведик; он, может, и не стал бы за мной бегать, если бы я первая не побежала, он, может, просто так, просто поиграть со мной хотел.

Я засмеялась, и тогда Павка рассердился и стал кричать:

— Слезай, слезай, вечно с тобой что-нибудь! Ехать надо. Горе с тобой!

А я вишу и ничего поделаться не могу и смеюсь. Ведь я же зацепилась, как тут слезешь?

Павка всё ругался и стал за мной лезть, но вдруг что-то затрещало — тр-р-р-р! — и я упала вниз и бац лбом о маленький камушек в траве.

Павка поднял меня, крепко взял за руку и потащил к машине.

Ох, как он ругался! Говорил, что из-за меня он не

поступит в институт, что мы опоздаем к Чёрному морю, что платье я всё разодрала, что...

— Ой, Павличек, — сказала я, — что это у меня на лбу? Посмотри. Больно.

— Вот и шишку набила, смотреть на тебя страшно. Что я матери скажу твоей, откуда шишка?! Идём!

— Павличек, — говорю, — ну откуда я знала, что они тут у самой дороги водятся? А что платье, я не виновата, сам велел надеть.

Он на меня рыкнул и дальше потащил. Около машины он откуда-то пятак достал, чтобы к шишке приложить и она бы прошла, — только уже поздно было. Поглядела я в зеркальце, в кабине висит такое маленькое, — и ахнула. Огромная шишка, синяя какая-то, прямо посередине лба. Вот картинка: комбинезон на мне — я переделась, — шишка на лбу и огромный бант. Смех!

Про бант я не зря ничего не говорила, не хотелось мне о нём вспоминать, ведь он всё время на голове у меня торчал. Павка ни за что не согласился, чтобы его сняла.

— Теперь я умею лазать по деревьям, — сказала я, когда мы поехали.

— Молчи уж, — сказал Павка.

Я замолчала, чтобы он не злился, но всё равно стала думать про то, что хорошо вышло, что я, оказывается, умею лазать по деревьям.

Меня после лета в пионеры принимать будут, а что же это за пионер, если он не умеет лазать по деревьям?

А потом я запела свою песню, чтобы Павка подбрел и не сердился.

---

7. „Я БУДУ МОРСКИМ ВОДОЛАЗОМ“

Вот где была жара. Вечер, казалось бы, солнышко уже низко, а жарища такая, что можно умереть. Я в одних трусиках в кабине сидела, а Павка майку снял.

— Со мной будет солнечный удар, — сказала я Павке. — Можно, я наверху поеду, в кузове?

— С ума сошла, тебя же там продует — верное воспаление лёгких.

— А здесь верный солнечный удар, — сказала я. — Точно. Я лучше наверху поеду, за кабиной спрячусь, я тебе это обещаю; ветра не будет, вот увидишь.

Павка посердился-посердился, потом остановил машину, сказал, что ему со мной горе, и посадил меня наверх, видно, испугался, что у меня удар будет.

Наверху мне сразу легче стало, ветра не было, но маленький ветерочек всё-таки был, с боков дул, я за кабиной на лавочке сидела.

Днём мы в какой-то городок заезжали. Павка в городах останавливаться не любит, говорит, что сам не знает почему, а милиционеры всегда к нему придираются, за что — непонятно.

А здесь Павка остановился и повёл меня к врачу. Павку моя шишка встревожила — он так и сказал — уж больно она огромная.

Мы шли по городку, и я руку на лбу держала всё время, даже когда газированную воду пила. Вот смех!

Доктор сказал, что ничего страшного, и чем-то помазал мою шишку, теперь она у меня красно-жёлтая.

— Лучше детям не встречаться с медведями, — сказал доктор, — а то получают такие вот невероятные шишки.

Мы сказали доктору «спасибо» и поехали дальше.

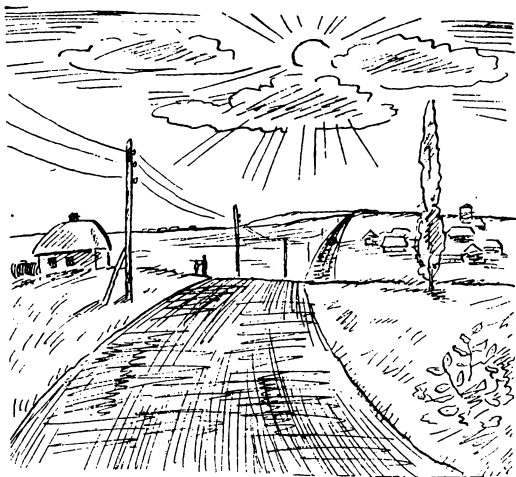
Сажу; хорошо, не жарко, слева поля и справа поля, домики беленькие, дорога серая-серая, длинная-длинная, так и лезет из-под машины.

Вдруг — стоп! Остановились. Я встала и увидела возле машины какого-то мальчишку, босиком, в кепке, в серой рубашке и в брюках. «Как ему не жарко?» — подумала я.

— Мне прямо, — сказал мальчишка Павке, — сколько провезёте, столько и ладно.

— Дуёй наверх! — сказал Павка, мальчишка забрался ко мне, и мы поехали дальше.

Сначала мальчишка вроде меня и не заметил, сел в угол и стал куда-то вбок смотреть. А я в другую сторону смотрю, мне-то что. Потом я вдруг на него посмотрела, гляжу, а он на меня смотрит и говорит:

— Ну и шишка у тебя, как помидор, — и добавил, кивнув на кабину: — А он тебе кто?

— Дядя, — сказала я. — А шишка у меня знаешь откуда?

— На грабли наступила? — спрашивает он.

— Это как?

— А вот так: наступишь на зубья, а тебя хлоп по лбу палкой. У тебя, наверное, здоровые грабли были, железные.

— Нет, — сказала я, — меня не грабли, меня медведь.

— Врать-то, — сказал он.

— Я от него по лесу бежала, — говорю, — залезла на дерево, сорвалась и об камень стукнулась.

— А медведь?

— Удрал, испугался.

— Всё врёшь, — сказал он, — дай пионерское.

— Я ещё не пионерка, — говорю, — меня ещё только на тот год примут. Даю тебе честное слово, что медведь был.

Он увидел, что я врать не люблю, и сказал:

— Верю. Дружу с тобой. — И добавил: — Ты человек.

Я подумала, что бы мне сказать ему, и говорю:

— А мы едем к Чёрному морю.

— Как?! — Он даже подскочил. — Да ведь и я туда! Вот бы мне с вами, тогда и пересаживаться не надо.

— Я спрошу у Павки, — говорю. — А тебе туда зачем?

— Я от бабки удрал, она у меня окаянная, дерётся и жить не даёт. Только ты Павке не говори. Павка — это так дядю зовут?

— Да. Он у меня молодой.

— Дела! Только ты смотри не проговорись.

— Нет. Мы ему скажем, что ты к тёте едешь.

— Идёт, — сказал он. — Ты человек. Вот, дарю тебе, — и он достал изо рта какой-то камушек, маленький, прозрачный, и отдал мне. Правда, я сразу заметила, что у него что-то во рту есть, с самого начала.

— Запомни, — сказал он, — это тебе Кузьма подарил, за дружбу. Меня Кузьма зовут. А камень колчедон называется. Мне его один моряк подарил, с Чёрного моря ехал. Там камней прѳпасть, а вот таких мало, всего несколько. Ты не бойся, я себе ещё найду, я искать умею.

— Знаешь что? — сказала я. — Когда я вырасту, я буду каменщицей и построю дом в сто этажей. Огромный дом, я туда только тех пушу, с кем мне охота дружить.

— Думаешь, наберётся столько народу?

— Не знаю, — говорю, — потихоньку набирается. Я тебя тоже туда приглашаю.

— Идёт, — сказал Кузьма. — Это когда?

— Вот школу кончу — тогда.

— Я к тому времени уже буду морским водолазом, — сказал Кузьма. — Очень мне им хочется стать.

Ещё мне очень хотелось на комбайне ездить, только на самом большом, но теперь ничего не выйдет, с бабкой жить не хочу. Дерётся она, на речку не пускает, целый день заставляет дрова рубить; плюёт она на меня, вот что. У меня в школе две четвёрки всего, а она даже за табелем не зашла. У всех пришли за табелями, а у меня нет. Ей бы меня похвалили, только она меня не любит. Вот я и сбёг. Приеду к Чёрному морю, поступлю учиться и буду морским водолазом.

Пока мне Кузьма рассказывал, нас какая-то машина догнала и вдруг рядом поехала и стала гудеть. Кузьма охнул и схватил меня за руку. В кузове этой машины стояла длинная такая старуха, в платке, с палкой. Старуха стала размахивать палкой и кричать на Кузьму, а их шофёр всё гудел и ехал с нами рядом, пока Павка не остановил машину.

Старуха вдруг протянула свою длинную руку, схватила Кузьму и перетащила к себе в машину. Палку она бросила и стала стучать Кузьму по голове своими костлявыми пальцами и приговаривать:

— Будешь — знать — как — из дому — бегать — чёрт! Будешь — знать — как — из дому — бегать — чёрт!

— Перестаньте драться, бабушка, — сказал Павка, высовываясь из кабины.

Второй шофёр тоже вылез.

— Да это же её внук, — сказал он, — сбежать хотел.

— Всё равно! — крикнул Павка. — Перестаньте его бить!

Тогда старуха стала орать на Павку, но Кузьму не отпустила и всё стучала его по голове своими противными пальцами.

А я сижу, смотрю на Кузьму и ничего не понимаю. А он вниз смотрит, сжался весь.

— Кузьма, — говорю; и тогда он на меня посмотрел. — Ты не расстраивайся. Может, отдать тебе колчедон? Я себе сама найду.

— Нет, — сказал он. — Я тебе подарил. А на Чёрное море я всё равно сбегу. Только ты не забывай, про что ты мне сказала.

— Про что?

— Про твой огромный дом.

— Нет-нет, — говорю, — не забуду. Я в Ленинграде живу, Псковская, пять; Светка Мухина моя фамилия. Ты запомни.

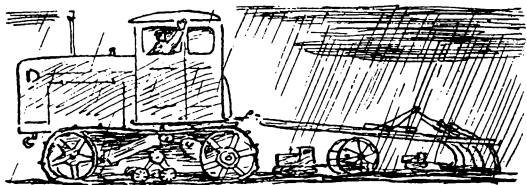
— А ты молчи! — заорала на меня длинная старуха. — Мухина-дрюхина! Ишь какие! Захотели, чтобы мой хлопчик родной от меня убежал!

И вдруг их машина пошла назад, повернулась и уехала.

Я залезла к Павке в кабину, мы помолчали немного и тоже поехали.

Грустно мне стало, плохо и плакать захотелось. Только я не заплакала, я ещё год назад решила никогда не плакать. Слёзы у меня по лицу потекли, только это не в счёт, я думаю. Это они сами.

---

8. ЕСЛИ БЫ МАМА ВИДЕЛА

Павка сказал, что мы будем в поле ночевать, а то в лесу полно медведей. Да и леса не было — кругом поля.

Мы съехали с дороги, вылезли из машины, и вдруг оказалось, что очень холодно и даже ветер.

Павка достал из кузова палку, вбил её в землю и привязал один конец верёвки к палке, а другой — к машине. Потом снял со своих аппаратов брезент, повесил его на верёвку, вбил в землю четыре маленьких колышка — я тоже с ним вбивала — и привязал к колышкам уголки брезента. Получилась палатка.

— А то ещё ты у меня простудишься от ветра, — сказал он, и тогда я вспомнила, что он так и не заглянул ко мне в рот. Я хотела, чтобы он увидел, что я не простужаюсь, но мы оба забыли. А теперь не до того

было, и темно, и спорить я тоже не стала, потому что мне понравилась палатка, я ведь в палатке никогда не спала. У нашей палатки было всего два бока, а Павка решил сделать четыре, — вдруг ветер будет дуть по-другому. Он достал из кабины какие-то мешки, сделал ещё два бока, я поставила раскладушки, потом мы залезли в палатку и легли.

И тогда я рассказала Павке всё про Кузьму.

— Он всё равно от неё убежит, — сказала я. — Вот.

Павка ничего мне не ответил, и я больше не стала говорить про это, пусть Павка спит.

Грустно мне было, плохо. Я закрыла глаза, подумала ещё немного про Кузьму — как он там сейчас? — и уснула.

Утром просыпаюсь — ужасный шум. По палатке что-то стучит часто, будто горох сыплется. Я голову из палатки высунула и — скорей-скорей обратно! Ой, какой дождина!

— Павка, — зашептала я, — дождь.

— Что-что-что? — забормотал он во сне.

— Дождь, — громко сказала я.

— Что?! — он мигом вскочил. — Дождь?! Аппаратура! — закричал он. — Скорей!

Не успела я опомниться, как он выскочил наружу и отвязал верёвку, на которой наша палатка висела. Палатка на меня упала.

— Ой!! — закричала я.

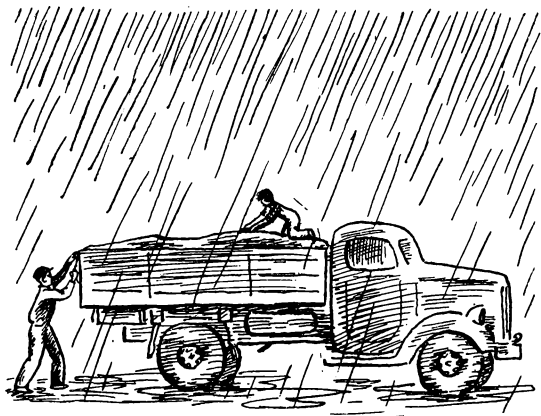
— Ты где?! — крикнул Павка. — Где ты?

— Тут! Ты меня закрыл!

— Аппаратура мокнет! — закричал он. — Вылезай!

— Мне ника-ак!

Тогда он приподнял край брезента и прямо выдер-

нул меня из-под него. Я сразу промокла. Вот это был дождичек!

— Отвязывай углы! — крикнул Павка.

Я стала отвязывать, а верёвка не развязывается.

— Не отвязывается, Павка!

— Дёргай колышек, голова садовая!

Я дёрнула изо всех сил, колышек выскочил из земли, и я шлёпнулась в лужу. А Павка уже три колышка выдернул, залез на машину и стал брезент наверх тащить, и меня тоже — я всё за угол держалась.

— Пустите брезент! — заорал он.

Я пустила, вскочила с земли, забралась в кузов и стала Павке помогать. Потом брезент вдруг за что-то зацепился.

— Дуй вниз! — приказал мне Павка. — Отцепляй!

Я спрыгнула с машины, отцепила брезент и снова

к Павке забралась. Мы втащили брезент в кузов, дождь так и хлещет. Павка чего-то кричит, потом мне рукой показал, чтобы я с брезентом пробралась в другой конец машины, я так и сделала, потом я ещё один угол натянула, и Павка прокричал: «Порядок!»

Да-а! Порядок! А раскладушки-то, а одеяло, а мы сами? Всё мокрое! Ещё я коленку себе расцарапала и комбинезон порвала.

Мы с Павкой закинули всё наше хозяйство в кузов, залезли в кабину, сели, потом вдруг посмотрели друг на друга и ка-ак захохочем. Хохотали, хохотали — устали.

— Ну и вид у тебя, — говорит Павка, — бант мокрый, висит, а шишка! Ох!

И мы опять стали хохотать.

— Знаешь, — вдруг говорит Павка, — я думаю, он от старухи убежит, твой Кузьма.

— Точно, — говорю. — Какая с ней жизнь? Одно горе. Я вон тоже утопиться хотела.

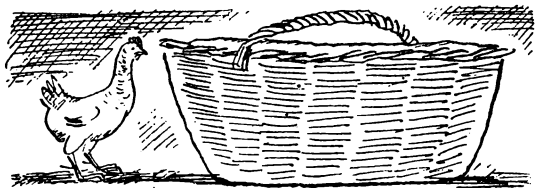
— Ну-ну! — прикрикнул на меня Павка. — Много болтаешь. Смотреть на тебя стыдно, мокрая вся, неаккуратная, с шишкой, вон брюки порвала. Была такая чистенькая девочка, а теперь... — он махнул рукой, завёл машину, и мы поехали.

С Павкой я спорить не стала. Это он так сказал, для порядка, чтобы я не привыкла неряхой ходить.

— Смотри, — сказал Павка и показал мне в окно. Я посмотрела туда и увидела: идут по полю тракторы, целая вереница, большие, прямо огромные, а один тракторист помахал нам рукой.

Я опустила вниз стекло на дверце и тоже помахала ему. А потом вынула из кармана камушек, который мне Кузьма подарил, и стала его рассматривать.

9. СОВСЕМ, СОВСЕМ НЕ ОЖИДАЛА

Весь день шёл дождь. Вот скука была! И кругом ни одного деревца.

— Значит, степь началась, — сказал Павка. — Сегодня в доме будешь спать. Дождь.

— А для тебя что? Не дождь? Почему «будешь»?

— Ну, будем, — сказал он и остановил машину.

К нам маленькая бабушка села, в белом платочке, неизвестно откуда взялась в степи. Мокрая вся. У неё корзинка была, а там цыплята. Не совсем маленькие, а чуть побольше, с пёрышками уже.

— Та мне их сестра дала, — сказала бабушка. — Акулына. Я к ней у гости ездила. Вони теперь пищат и кувыркаются у корзины, так шо извините за шум. Я домой еду. У колхоз «Червоный путь».

А мне даже очень понравилось, что цыплята пищат, — сразу веселее стало, а то дождь и степь, ужасно надоело.

— Это шо же у тебя, деточка, за шишак такой? — спросила у меня бабушка.

Тогда я ей рассказала про медведя и про то, как я с дерева летела.

Она стала охать и кричать на цыплят, чтобы они не шумели и не мешали человеку рассказывать.

— А великий был медведь?

— Да нет, маленький такой медведик, — говорю.

— Ишь ты, а тоже туда же, хороших людей портить! А у нас в колхозе недавно гроза была, так одну корову молнией зашибло.

И она рассказала про корову.

Я прямо расстроилась, так мне стало жалко эту корову, и бабушку жалко, — коровка ведь ей как родная была. Я даже обрадовалась, когда бабушка сказала, что она дояркой работает и остальные коровки целы остались, — я сначала думала, что у неё всего одна коровка была.

А потом бабушка долго спорила с Павкой, потому что она уже приехала и стала давать Павке деньги, а он отказывался.

— Ну тогда, деточка, — сказала бабушка, — возьми себе в подарок курёнка. — И она достала его из корзины.

Я ужасно застеснялась, посмотрела на Павку, он рассмеялся, и тогда я взяла у бабушки курочку.

Бабушка нам поклонилась и ушла, а мы дальше поехали.

И вот, знаете, ехали до тех пор, пока у нас машина не испортилась. В первый раз, между прочим.

Павка стал ругаться и вылез из машины.

Он сначала походил вокруг неё, поругался, а потом полез за ключами, а мне крикнул: «Открой капот!»

Чудеса! Во-первых, я не знаю, что такое «капот»; странный он всё-таки человек. А во-вторых, прямо-таки удивительно, что он мне что-то сделать позволил.

— Павличек, — сказала я. — Капот — это где?

— Аааа-а! — рыкнул он, возясь с ключами. — Сиди уж! Бездарное дитя.

— Сам! — закричала я. — Где капот?!

Но он уже выскочил из кабины, и тогда я тоже выскочила. Темно. Дождь, мелкий такой, противный. Бр-р-р!

Павка вдруг взял и задрал у машины нос, наверное, капот. Потом он зажёл фонарик, сунул мне в руки ключи и залез головой под этот самый капот. Я тоже туда заглянула, как могла. Там были машинины внутренности: гнутые трубочки всякие, винтики, — в общем, я в этом не разбираюсь.

— Дай ключи! — сказал Павка.

Я дала, и он долго-долго возился под капотом и светил там фонариком. Я обернулась и увидела, что в степи горят огни домов, раньше я их не заметила. Мне вдруг стало холодно и захотелось где-нибудь в комнате посидеть, телевизор посмотреть, и всякое такое.

— Всё, — сказал в темноте Павка. — Да иди же ты в машину, простудиться, что ли, хочешь? Неизвестно, где она сломалась, здесь всё в порядке.

Он, светя фонариком, подошёл к кабине, достал оттуда большую клеёнку и вдруг вместе с ней исчез под машиной.

Я тоже полезла. Он лежал на животе, светил фонариком и ругался.

— Совсем заболела машина, — сказала я и тоже легла на клеёнку.

Павка ничего мне не ответил, потом вдруг захохотал и сказал: «Вот. Вот в чём дело». Он лёг на спину и стал что-то там откручивать и закручивать.

— Шо, браток, сломалась чертяка? — раздался из темноты голос.

— Сейчас будет полный порядок! — весело крикнул Павка.

— А то я иду, — сказал незнакомый голос, — и вижу: шо за машина у моего поля? Я здесь сторожем, в колхозе.

— Как колхоз называется? — спросил Павка.

Сторож ответил, но я не расслышала.

— Я так и думал, — сказал Павка. Потом он на меня цыкнул, что я всё ещё под машиной лежу, мы оба вылезли и забрались в кабину.

— Шоб ваша машина не ломалась и ехала ровненько, — сказал сторож. — Бувайте здоровы. — И ушёл.

Павка достал из-под сиденья чемодан, и мы переоделись — всё-таки здорово промокли.

Павка посветил на меня фонарём, и я даже обозлилась оттого, что он сказал:

— Там есть лента, бант повяжи, а платье другое надень, голубое с белыми цветочками. Оно красивее.

— Знаешь, Павка! — сказала я. — Ты... ты опять, да? Так, да? Что же мне, опять переодеваться, что ли?

— Немедленно, — сказал Павка.

— Не буду, — говорю.

И вдруг Павка не обиделся и стал так тихо и нежно меня уговаривать, что мне даже жалко его стало. Зачем я ему нагрубилa? Видно, ему это голубое платье здорово нравится, если он так просит.

Неохота, конечно, было переодеваться, платья мне ох как надоели, но я переделалась. Павка засмеялся, и мы поехали.

Всего каких-нибудь три минутки проехали, и Павка свернул в сторону, к тем огням, которые я видела.

Я, между прочим, здорово устала, пока мы нашу машину чинили. Я даже про свою курочку забыла. Павка её в коробку посадил, а коробку положил в авоську; я посмотрела, а она не шевелится, спит, наверное. И я спать захотела, а мы всё едем и едем. Наконец приехали. На дороге я думала, что это несколько домиков недалеко от нас, а здесь поняла, что это большой-большой колхоз, только он далеко был, потому и казался маленьким.

Павка несколько раз куда-то сворачивал, потом остановился возле какого-то дома и сказал: «Бери свою курицу, если хочешь, и давай бегом к дому, а то опять промокнешь».

Я открыла дверцу, взяла свою курочку в авоське и — бегом на крыльцо.

Павка распахнул дверь, мы куда-то вошли, в тёмное; он взял меня за руку, повёл вперёд и постучался в дверь, я потом только поняла, что это дверь, когда он её распахнул, и я даже напугалась: было темно-темно, и вдруг стало светло, свет так и бил в глаза.

— Ой! — воскликнул кто-то.

И другие голоса:

— Ой! Ой! Ой!

Я присмотрелась и обомлела: я увидела... сестру Катьку и её папу и маму.

Мы все стали смеяться, и целоваться, и обниматься.

— Ах ты хитренький! — закричала я. — Ах ты Павлик-врушка. Не мог сказать, да?!

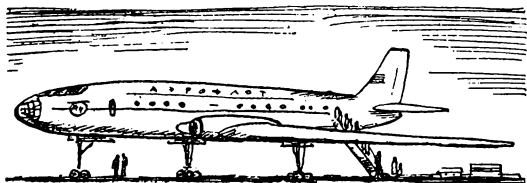
А Катька взяла и поцеловала меня в шишку и спросила:

— Это ещё что такое?

И тогда я стала рассказывать про всё и есть кашу с молоком, и рассказывала до тех пор, пока кто-то не сказал у меня над ухом:

— Уложите-ка её, а то совсем спит ребёнок.

---

10. ЛЁТЧИК ТИМ

Чёрное море! Какое оно из себя? Я его только на картинке видела и во сне и ещё в кино, только оно, наверное, всё равно какое-нибудь другое. Вдруг я увижу его и упаду от удивления — такое оно необыкновенное?

Сегодня опять жарища. Я в одних трусиках сижу рядом с Павкой. Между прочим, я даже немного загорела за эти дни.

Куручка у меня на руках сидит. Мы её сегодня утром чуть не забыли.

Катька, её папа и мама вышли нас провожать и всё кричали нам что-то, когда мы поехали, и махали руками, и вдруг Катька побежала за нами и как крикнет:

— Куручку забыли!

Павка стал злиться и говорить, что мы и так опаздываем, а я тогда сама на него цыкнула — от него ведь научилась, — и мы дождались, пока Катька нам принесла курочку.

И вот теперь курочка сидит у меня на коленях и тоже, наверное, умирает от жары.

А Катька здорово изменилась с тех пор, как я её видела! Такая красивая стала. Павке она, наверное, тоже здорово нравится, потому что, когда она принесла мне курочку и снова поцеловала его на прощанье, он покраснел.

— Ужасная жара, — сказал он и провёл рукой по лицу, — ужасная жара.

Хитренький!

А я сижу и думаю: какое же оно из себя, это Чёрное море?

А кругом степь, жара и никого нет. Я закрыла глаза, чтобы представить себе Чёрное море, но ничего не вышло. Я тогда их открыла и вижу: впереди нас на дороге стоит человек и ужасно машет нам двумя руками.

Мы подъехали, и я увидела, что это лётчик.

— Ужас! — закричал он. — Ни одной машины, а я в Симферополь на самолёт опаздываю, мне сегодня в Ленинград машину вести.

Мы его взяли и поехали дальше.

— Это у тебя курица? — сказал он. — Отлично.

— Да, — говорю. — А вы кто? Ленинградец или симферополец?

— Ленинградец, — говорит.

— Так и мы тоже, — обрадовалась я. — Вот здорово! Вы где живёте?

— Я на Московском проспекте. А вы?

— А мы на Псковской улице, — говорю.

— Замечательная улица, — сказал он. — А куда едете?

— К Чёрному морю.

— Ох, — сказал он. — Не говорите. Сейчас бы искупаться. Прилечу в Ленинград, поеду купаться, сразу же. Я к невесте заезжал, она тут у своей мамы гостит. Оттого и опаздываю. Я по ней очень скучаю.

— Бывает, — сказал Павка.

— Наверное, она у вас очень красивая, — сказала я. — Потому, да?

— Это уж как тебе угодно, — сказал лётчик, — только я по ней очень скучаю. Не знаю, для кого как, а для меня она самая красивая; вот посмотри, если хочешь.

Он достал из кармана фотографию, я посмотрела — и чуть с ума не сошла, ка-ак крикну: «О-ой! А-ай!!»

Павка даже машину остановил.

— Это же Кларушка! — закричала я. — Моя любимая Кларушка!

— Что-о?! Ка-ак?! — удивился лётчик. — Разве ты её знаешь?

— Ещё бы. Это наша учительница по пению в школе.

— Точно.

— Ой, хочу её видеть!

— Точно.

— Ой, где она?

— Далеко, — сказал он грустно. — Пятьдесят километров назад и пятьдесят вбок. Когда я ещё её увижу. Что же мы стоим? — забеспокоился он. — Ведь без меня самолёт не может лететь. А лететь надо: расписание.

И мы поехали. Видно, Павке здорово Кларушка понравилась, раз он так долго стоял и её фотографию разглядывал, — мы ведь тоже торопились.

— Вы в какое место едете? — спросил лётчик. — Кстати, меня зовут Тим.

— Павел, — сказал Павка, — а её — Светка. Мы в Судак едем.

— А обратно когда?

— На другой день.

— Хочешь, я тебя на самолёте в Ленинград отвезу? — спросил у меня Тим.

Я ужасно обрадовалась, а Павка сказал, что нельзя, что я ни разу не летала.

— Тем более, тем более! — стала я говорить Павке. — Вечно ты мне жить не даёшь. Но как же Чёрное море?

— Всё в порядке, — сказал Тим. — Когда вы на другой день обратно поедете, пусть тебя Павел на аэродром завезёт; у меня каждый день рейсы. В семь вечера. Спросите там лётчика Тима. Я выйду.

Потом Тим что-то стал говорить Павке, а я стала думать, что лучше: на самолёте лететь или с Павкой ехать. Если с Павкой ехать, — значит, я снова увижу и Катьку, и тётю Грушу...

И всё-таки лучше я полечу, я ведь никогда по воздуху не летала, а их я ещё когда-нибудь увижу.

Потом вдруг Павка сказал:

— Ладно, пусть летит, а то она мне надоела. — И я ужасно обрадовалась, что я ему надоела: не надо будет его уговаривать.

Потом я спела Тиму свою песенку.

Потом мы её спели с ним вдвоём.

Потом втроём.

Потом я ему рассказала про шишку.

А потом мы приехали в Симферополь.

Мы довезли Тима до аэродрома, Павка сказал, что нужно немного передохнуть; они с Тимом попрощались, а я пошла его немного проводить.

Мы договорились, что я завтра приеду, и тогда я рассказала Тиму про свой дом в сто этажей и что я приглашаю его там жить, тем более, что у Кларушки и так там будет отдельная квартира.

Тим крепко пожал мне руку, потом закричал:

— Караул! Опаздываю! — и убежал.

Когда я вернулась к машине, там стояли два длинных дяденьки. На лбу у них были козырьки, за спиной рюкзаки, а в руках какие-то длинные штуки в чехлах. Они хлопали Павку по плечу и всё говорили про какого-то Лёву.

Потом мы поехали все вместе. Я взяла из кабины курочку и забралась в кузов. И длинные дяденьки сели в кузов. Жара была ужасная.

Одного дяденьку звали дядя Серёжа, он был с усами. А второго — дядя Алик. Дядя Алик картавил и всем говорил «парень». «Вот это парень!» — сказал он про меня.

Дядя Алик и дядя Серёжа ехали в гости к дяде Лёве. Дядя Лёва работал там, куда Павка вёз свои аппараты. Эти дяди ехали охотиться под водой на всякую рыбу и показали мне такие рыбки хвостики из резины, которые на ноги надеваются, чтобы быстро плавать, — ласты; показали маски, резиновые, со стеклом, чтобы было хорошо видно под водой, показали трубки — в них дышат — и ещё ружья. Оказывается, это ружья были в чехлах.

Потом стемнело, и стало прохладно и хорошо. Дядя Алик надел на меня свою куртку, потом посмотрел вбок и сказал:

— А вот и море.

Я так заволновалась, что даже не смогла сразу посмотреть. После всё-таки посмотрела, но было уже темно, и я сразу закрыла глаза, чтобы увидеть море завтра по-настоящему, при солнышке.

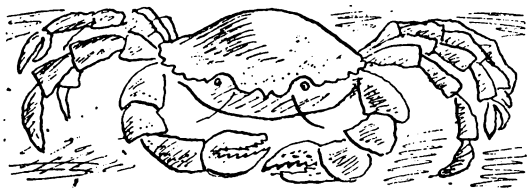
Так и не глядела до тех пор, пока мы не остановились возле какого-то дома с верандой, где горел свет.

Кто-то вышел на крыльцо и закричал: «Здорóво!»

Дядя Алик, дядя Серёжа и Павка крикнули:

— Привет, Лёва! — И мы стали вылезать из машины.

---

11. ЧЁРНОЕ МОРЕ

Утром меня разбудили рано-рано, и дядя Лёва сказал:

— Ну как, поедем в море?

— Да-да! — заторопилась я и вскочила с раскладушки. — Сейчас?!

Дядя Лёва засмеялся и сказал, что сначала все позавтракают, а потом придёт машина и мы поедем. Оказывается, у них здесь есть своя машина, а Павка только потому и приехал, что все аппараты было сразу не забрать.

Потом мы сели завтракать. За столом на веранде, кроме дяди Алика, дяди Серёжи, дяди Лёвы и Павки, было ещё человек пять других дяденек. Они говорили про аппараты, про температуру воды и воздуха, про

каких-то рыб и про то, что дядя Серёжа и дядя Алик «сачки», потому что здесь люди работают, а они, видите ли, приехали поохотиться. А я сидела рядом с дядей Лёвой и ела котлетку и помидоры со сметаной. Дядя Лёва сказал, что «сачки» — это бездельники.

А дядя Алик и дядя Серёжа закричали, что они не «сачки», просто у них отпуск. Все засмеялись и встали из-за стола, и тут пришла машина. Тогда все стали грузить на машину аппараты и ещё всякие другие шутики, а потом мы поехали.

Перед домом была огромная гора, моря не было видно, и я попросила дядю Лёву, чтобы он сказал мне, когда будет море, а я пока закрою глаза, а потом сразу открою и сразу всё увижу.

Я с дядей Лёвой ещё вчера подружилась. Он ужасно сильный, широкоплечий, волосы у него ёжиком, а лицо круглое и доброе, а носик маленький. Я тогда достала из комбинезона камушек, который мне Кузьма подарил, и сказала:

— Смотри-ка, это колчедон.

— Да, действительно, — сказал дядя Лёва. — Только не колчедон, а халцедон. Я тебе ещё найду, если тебе нравится.

Я сказала, что хорошо, нравится, но этот особенно, и рассказала ему про Кузьму.

А потом, конечно, про шишку, и про лётчика Тима, и про Катьку-сестру, про всё.

Дядя Лёва велел мне спать, а я уговорила его послушать мою песню. Он согласился, только если я сначала лягу.

Я легла и запела. Пела-пела... и уснула.

И вот теперь я сижу, закрыв глаза, и жду, когда же будет море.

— Смотрите, — стали говорить все, — она сидит с закрытыми глазами, чтобы сразу всё увидеть. Она никогда не видела Чёрного моря.

Так мы и ехали. А потом машина стала делать большой поворот и пошла вниз, вниз, вниз и остановилась.

— Внимание! — сказал дядя Лёва. — Пока глаза не открывать. — Он взял меня под мышки, я полетела куда-то вниз, — наверно, он вместе со мной прыгнул с машины, — потом он провёл меня за руку вперёд на несколько шагов и сказал:

— Смотри!

Я открыла глаза и... даже маленько задохнулась от неожиданности.

Море было голубое-голубое, синее-синее, зелёное-зелёное, огромное-преогромное и тихонечко так шумело: «шш-ш... шш-ш...»

Дядя Лёва засмеялся и плеснул в меня водой, и я немного успокоилась.

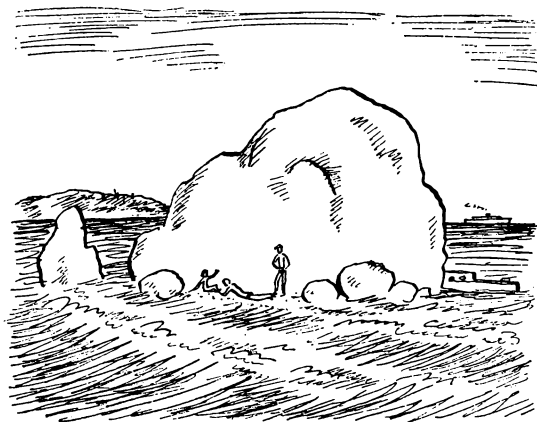
Все дяденьки бегали по берегу и таскали из машины к воде свои аппараты. Потом приплыла лодка, только очень большая, мы все туда залезли вместе с аппаратами и поплыли.

Павка, глупенький, остался, сказал, что лучше он полежит на песке. Он и меня сначала не хотел пускать, только дядя Лёва его уговорил.

— Не сгори на солнце! Не утони! Не балуйся! Повяжи бант аккуратно! — крикнул с берега Павка.

— По-о-рядок! — ответил дядя Лёва.

Я обернулась и увидела, что к нам подплывает маленький пароходик. С пароходика на нашу лодку бросили канат, один дяденька привязал его к носу лодки, и пароходик быстро повёз нас в море.

Потом мы завернули вправо и поплыли вдоль берега. И тут я увидела чаек. Никогда в жизни я не видела столько чаек. Они сидели на скалах и летали в воздухе. Их прямо сто тысяч было. Дядя Лёва достал из какого-то ящика длинную тоненькую рыбку, дал её мне и сказал:

— Это сарган. Ну-ка, кинь его подальше в воду.

Я кинула, и вдруг три чайки бросились вниз, и одна схватила сарганчика и взлетела высоко вверх. Я хорошо видела, как блестит сарганчик на солнце у неё в клюве. Я кинула чайкам ещё трёх сарганчиков, и тут мы приехали.

Дяденьки причалили лодку к скалам и стали надевать маски, ласты и ещё какие-то штуки на

спину, такие круглые, длинные, я потрогала — железные.

— Это акваланг называется, — сказал мне дядя Лёва. — В нём можно дышать под водой, там воздух в этих баллонах. Дяди будут снимать под водой фильм про рыб.

Потом дядя Лёва сам надел ласты и маску с трубкой и ещё взял какой-то большой коврик из белой губки и прыгнул в воду.

Дядя Лёва стал плавать возле нашей лодки, и коврик плавал тоже, не тонул, и не успела я опомниться, как кто-то взял меня и посадил на коврик. Я крикнула: «Ах! О-о!» — но все засмеялись на лодке, а я увидела, что коврик вовсе не тонет, и я будто сижу на своей маленькой лодочке.

— Ложись на живот, Света! — сказал дядя Лёва; я легла, а он взял мой коврик за краешек и поплыл вместе со мной к берегу.

— Ну-ка, пусти, я сама, — сказала я. Он отпустил, и я стала делать так руками, будто это вёсла. Только ничего не вышло, я стала крутиться на одном месте почему-то и вдруг — р-раз! — сползла со своего коврика в воду. «Тону, — подумала я, спокойно так. — Всё». Но почему-то оказалось, что я плыву. Да-да, честное слово, делаю так руками и ногами в воде, что плыву. Я даже удивилась, ведь плавать-то я не умею.

— Смотрите! Смотрите! Ребёнок плавает! — закричали с лодки.

— Не страшно? — спросил дядя Лёва.

— Не-а, — сказала я и... хлебнула воду. Ужас! Солёная такая. Дядя Лёва как-то хитро поднырнул под меня, велел держать его за шею, взял наш коврик и поплыл к берегу.

Там был маленький-маленький пляжик из песка, и я легла на песок и стала отдыхать. Я, по правде говоря, здорово напугалась, когда подумала, что могла утонуть. И ещё я этой солёной воды наглotalась. И вообще я столько за один день увидела, что никак не могла прийти в себя, потому и лежала.

Дядя Лёва вдруг нырнул и пропал, на целых две минуты. Я даже забеспокоилась. Встала даже.

И вдруг увидела дядю Лёву в совсем другом месте. Он подплыл ко мне и вылез на берег.

— Вот тебе ракушка, — сказал он, — вот тебе камушек, не халцедон, но тоже красивый, и вот тебе ещё... — он раскрыл ладошку, и я увидела маленького-маленького крабика, прямо крошечного.

— Ты его отнеси обратно в море, — сказала я, — пусть живёт, он ещё малыш. Дядя Лёва, а ты почему с ними фильм не снимаешь?

— Я сегодня выходной, — сказал он и лёг на песок. — Я тебе потом большого краба поймаю.

Мы немного поговорили с ним про разное, а потом к нам приплыли дядя Алик и дядя Серёжа. У дяди Алика была большая рыба, он её из ружья убил, а дядя Серёжа держал за спинку огромного краба. Ну и краб! Целый крабище!

Потом дядя Алик и дядя Серёжа снова уплыли охотиться, а я пошла по берегу и стала собирать камушки. Я много разных набрала, а когда вернулась, дядя Лёва сказал, что он неожиданно уснул и краб убежал. Вот смех! Но я не расстроилась, потому что дядя Лёва посмотрел на мои камни и про один сказал: «Это агат. Драгоценный камень».

Потом мы с дядей Лёвой немного поплавали, и он тогда сказал:

— Дай, я надену на тебя маску. Трубку возьми в рот. Та-ак. Носом не дыши, только ртом. Теперь опусти голову в воду.

Я опустила и... нет, мне про это не рассказать. Какая там была красота! Розовые водоросли, камни, плавают рыбы разные, цветные-цветные: зелёные, синенькие, красные; ползают крабы, а вода голубая-голубая.

И вот тогда я легла на коврик из губки — всё-таки я ведь хорошо плавать не умею, — опустила голову в воду, и дядя Лёва сам стал плавать и возить меня за собой, чтобы я всё повидала.

Так мы и плавали весь день, пока с лодки не закричали:

— Возвращаемся!

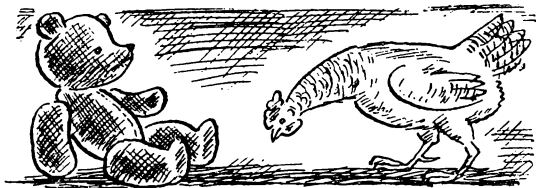
Я ещё в последний разочек поглядела под воду, и мы поплыли к лодке.

— Вот и всё, — сказала я, — вот и всё.

Потом я наклонила дяди Лёвину голову к себе и на ухо рассказала ему про свой дом в сто этажей и что я приглашаю его туда жить. И пусть он скажет про это дяде Алику и дяде Серёже — их я тоже приглашаю. Я бы могла и сама, только мне хочется сейчас не рассказывать, а глядеть кругом, чтобы всё запомнить.

Дядя Лёва пообещал, что он всё им расскажет, потом к нашей лодке подошёл пароходик, и мы поплыли обратно.

---

12. КТО ЭТА ДЕВОЧКА?

Вот и всё. И вся история. В тот же день мы с Павкой поехали в Симферополь. Там я села с Тимом на самолёт, а Павка отправился в Ленинград на машине. Я ему велела, чтобы он Катьке передал привет и тёте Груше. И ещё я ему велела, чтобы он довёз курочку в целости и сохранности, я бы и сама могла, но в самолётах курочкам летать запрещено. Павка поломался, но всё-таки согласился.

А потом я в первый раз в жизни летела на самолёте. Было необыкновенно, только я об этом в другой раз расскажу.

Прилетели мы в Ленинград, Тим снова улетел, а меня оставил жить со своей мамой, пока Павка не вернётся. Я пожила с его мамой три дня, а потом сбе-

жала, а то она слишком уж стала следить за моим поведением.

А там и Павка приехал с моей курочкой.

Павка как увидел, что я его встречаю в комбинезоне, сделал большие глаза, а потом засмеялся, и мы поцеловались.

И вдруг раздался звонок, пришёл почтальон и дал нам телеграмму: «Будем 15 два дня проездом поезд 29 вагон 3 целуем Гриша мама».

Мы с Павкой ужасно обрадовались, он позвонил на вокзал, там ему сказали, что поезд приходит через час, и мы стали быстро собираться.

Павка велел мне надеть платье, новый бант, конечно, и мы пошли.

Когда мы вышли во двор, там, в другом конце, стояли ребята и девочки и мой враг Вовка Тузов. Тузик.

Я и так от платьев и от нарядов отвыкла, а тут ещё Павка при всех взял меня за руку. Я обозлилась и сказала, что так не пойду, а он сказал: «Пойдёшь». А я сказала: «Нет» — и ушла домой, а он один поехал маму с Гришей встречать. Ужасно я обозлилась. И главное, не понятно, что он за человек? То так делает, то так.

Я позлилась немного, а потом сняла бант и платье, надела комбинезон и вышла во двор. Я подошла к ребятам и сказала:

— Здорово, ребята! Привет, Тузик!

Тузик, по-моему, даже побледнел от удивления.

— Светина-конфетина! — закричал он. — Ты откуда такая загорелая взялась? Ух, ты!

— А ты чего такой бледненький? — говорю. — Смотри, тебя в пионеры не примут. Пионер должен хорошо учиться, быть загорелым, уметь по деревьям лазать и плавать.

Тузик даже опешил. Никогда ведь я с ним так не разговаривала.

— Ну, — сказал он, — учусь я вроде ничего, двоек нет, загореть я ещё успею, а плавать я могу и лазать тоже. А вот ты — неизвестно! — и он захохотал.

— Можешь не сомневаться, — говорю, — лазать и плавать я могу. Я с Павкой целых пять дней на машине ехала к Чёрному морю, по дороге всему научилась.

— Да ну?

— Ага. А обратно я на самолёте летела.

— А брюки у тебя такие откуда? И зачем они?

— Что же, в машине, по-твоему, в платье ездить? — говорю.

— А шишка? Ну и шишка!

— Когда-нибудь расскажу, — говорю я загадочно, — и ещё, между прочим, я плавала с маской и трубкой.

Сказала так, повернулась и ушла домой.

А через десять минут приехали мама, Гриша и Павка.

Мама вошла в комнату, посмотрела на меня и сказала:

— Кто эта девочка?

Мы с Павкой захохотали, а я бросилась к маме на шею, поцеловала её, а потом Гришу и сказала:

— Это я! Ваша дочка Светка! Что ли, не узнали?

По-моему, они ужасно растерялись. Они стали ходить по комнате, трогать разные вещи и всё смотрели на меня и пожимали плечами.

— Мы тебе путёвку в Артек достали, — вдруг выпалил Гриша. — Это у Чёрного моря.

Я снова бросилась их целовать, и тут мама сказала:

— Эт-то ещё что такое?! Безобразие! Почему по квартире ходит курица?

Я сначала засмеялась, но мама сделала сердитое лицо, посмотрела на Гришу, Гриша тоже сделал сердитое лицо, и тогда я испугалась, вдруг они передумают насчёт Чёрного моря, и сказала:

— Это так. Это временно. Я её в школу отнесу, в живой уголок.

— Только так, — строго сказала мама. Тут раздался звонок, и я побежала открывать.

Открываю, а на площадке стоят ребята и девочки, человек десять, и Тузик.

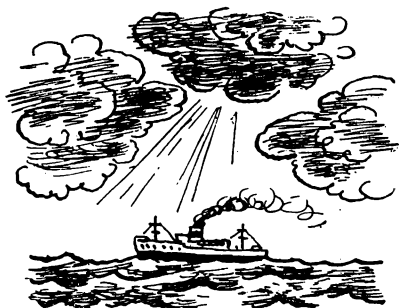
— Светка! — сказал он. — Ты бы нам... это... рассказала бы про подводное плаванье! А? И насчёт шишки. Если у тебя, конечно, есть время.

— Ма-ам! Гриша! — крикнула я на всю квартиру. — Я сейчас вернусь, через полчаса! — И добавила очень важно: — Ну что ж, пошли.

И мы все побежали на улицу.

РАССКАЗЫ

ЛЕТИ, КОРАБЛЬ МОЙ, ЛЕТИ

Если идти вдоль нашей улицы по левой стороне от круглой башни к кинотеатру «Космос», то сначала будет Калашников переулок, потом мой дом, потом булочная-кондитерская, потом Лётная улица, потом «Пышки» и детсад № 66, потом баня, потом магазин «Синтетика», потом «Канцтовары» и «Всё для малышей», потом просто так — дом — и потом уже парикмахерская, где работал Петрович.

Петрович был парикмахер. Вылитый парикмахер. Просто парикмахер — и всё.

Он был невысокий, лысый, а по бокам на голове два островка волос. Глазки небольшие, ручки небольшие. Конечно, не поэтому он был похож на парикмахера, по чему-то другому, не знаю, по чему.

Однажды я зарос, как говорит мама. Она дала мне денег, я пришёл в парикмахерскую, сел в кресло и сказал:

— Полубокс, пожалуйста. Пожалуйста, без одеколona.

— Пожалуйста, — сказал парикмахер. — Сейчас сделаем юному пионеру шикарный полубокс.

Я засмеялся, а он сказал:

— Не надо нам никакого одеколona. Сейчас наш юный пионер будет похож на юного пионера, а не на жителя острова Пасхи. — И голос у него вдруг стал чуть грустный. Или мне показалось.

— Вы их видели будто? — сказал я. — Этих жителей?

Он ничего не ответил, повязал меня белой простыней и, взяв в руки машинку, запел тихонечко: «Лети, мой корабль, лети».

Глазки у него были небольшие — я увидел в зеркало, — ручки небольшие, мне стало вовсе смешно, и я сказал:

— Будто вы были на том острове? Забыл его название.

— Пасха, — сказал он. — Я плавал в тех водах.

— В каких «в тех»?

— В тех самых.

Его машинка ловко-ловко бегала по моей голове.

— «Лети, мой корабль», — пропел он шёпотом и добавил: — Я был моряком.

Он сказал это так, что, даже не глядя в зеркало, я поверил.

Я вышел из парикмахерской и пошёл домой, и, пока шёл, всё мучился от какой-то мысли, глупенькой такой мыслишки, которую почему-то я никак не мог вспомнить. Только ложась вечером спать, я понял, что вертелось у меня в голове: ещё очень не скоро я опять зарасту, или на худой конец волосы просто будут подлиннее. Только если раньше меня это радовало — ну её, парикмахерскую! — то теперь огорчало.

. . . . .

Через два дня я не вытерпел, взял у мамы деньги, будто на кино, а сам пошёл в парикмахерскую.

— Мне височки, — сказал я, садясь к нему в кресло. — Только у меня денег всего десять копеек.

И когда он улыбнулся и ловко перекинул ножницы из одной руки в другую и завернул меня в простыню, я добавил:

— И расскажите про море. Про дальние походы. Про эту песню.

Чик-чик-чик — зачикали ножницы у меня возле самого уха. Чик-чик-чик — сверху вниз.

— Мы подходили к Цейлону, — говорил он. — Чик-чик-чик. — Океан был тихий, белый и горячий. — Чик-чик-чик. — Та-ак. Теперь машинкой. Наступала тропическая ночь. Били склянки. — Чик-чик.

Я не помню, сколько времени он меня стриг. А что он рассказывал, — мне не пересказать. Помню только, я спросил, когда он снял с меня простыню:

— Вы почему теперь здесь... а не там... в море... Что-нибудь с ногой, а? — добавил я глупость.

Он покачал головой и показал себе куда-то внутрь.

— Там, — сказал он. — Что-то испортилось. Не та уже машинка.

«Какая машинка?» — захотелось спросить мне, но я не спросил, потому что, кажется, понял.

— Заходи, — сказал он.

Я кивнул и вышел.

Через четыре дня я снова пошёл к нему. По-моему, в самый раз. Вообще стричься надо через шесть или семь дней. Это уж точно.

Его я встретил возле гардероба. Он тихонько хлопал меня по плечу, снял мою шапку, провёл рукой по волосам и сказал:

— Маленько зарос. Опять полубокс? Ну, сейчас Петрович всё сделает.

— Я не хочу к Петровичу, — сказал я. — Я к вам хочу.

— Я и есть Петрович, — сказал он.

— Я только к тебе хочу, Петрович, — сказал я.

Я просидел у него опять не знаю сколько. Чик-чик-чик — чикали ножницы. А он рассказывал. И было мне ни до чего. И мне даже самому не понятно, почему я вдруг спросил:

— Петрович, а у тебя есть ещё кто-нибудь, кроме тебя?

— Как это?

— Ну, так... Мама, бабушка...

— Есть, — сказал он. — Другие. Жена у меня есть и дочка. И всё. Больше ничего. Жена и дочка.

— А жена у тебя какая?

— Ну какая... Она инженер.

— А была кто?

— И была инженер. Всегда.

— А дочка?
— А дочка — балерина. Ей сколько и тебе лет.
— Здрóрово, — сказал я, — и уже балерина? Петрови-
ч, пойдём как-нибудь гулять, ты, твоя дочка и я.
— Зачем же дочка?
— Как зачем? А то они будут сердиться, что ты со мной гулять пошёл.
— Может, и не будут, — сказал он. — Всё. Готов полубокс. Полюбуйся. А теперь иди. Очередь! — крикнул он. — Заходи, — добавил он мне.

. . . . .
А я заболел. Эх, и зачем только я заболел?! Ненавижу грипп. Ненавижу ангину. Все болезни ненавижу. Зачем они? Я долго проболел, недели две. Целую вечность.

А он почему-то был какой-то не такой, когда я пришёл. Я даже подумал, что он просто не узнал меня, заросшего и худого. Он усадил меня в кресло и спросил, и голос у него тоже был какой-то не такой:

— Где же ты был так долго? Совсем пропал.

— Я болел, — сказал я.

Он ничего не ответил и стал стричь меня. Он стриг меня долго-долго, медленно-медленно и всё молчал. И я почему-то боялся заговорить. Потом он нагнул мою голову над раковиной и налил на макушку что-то холодное и пахучее.

— Надо голову помыть, — сказал он.

— Это дорого? — спросил я.

Но он ничего не ответил. Он молча намыливал мою голову. Было ужасно странно и неловко от всего этого.

— Петрови-ч, у меня же денег не хватит, — сказал я откуда-то из раковины, из-под пены.

— Какие деньги?! — сказал он сердито. — Какие ещё там деньги?! Не говори глупостей.

Он молча полил мне на голову тёплой воды, потом снова намылил и снова полил. Потом ещё раз. И всё медленно.

— Будешь у нас красавцем, — услышал я его странный голос.

Мне вдруг стало страшно и тоскливо. Только не Петровича страшно. . . А чего, я и сам не знал.

Он достал из ящика какую-то блестящую улитку с трубой, провод от неё вставил куда-то за зеркало, улитка зажужжала, он поднёс её к моей голове, и я почувствовал, как сильно она дует теплом.

— Это фен, — сказал он. — Будем сушиться.

Он долго сушил меня и всё молчал. Потом выключил улитку, достал коробочку с пудрой и попудрил мне шею. Я даже покраснел.

— Ладно. . . молчи, — сказал он и стал меня причёсывать. Он причёсывал меня долго и аккуратно, после взял со стола одеколон с кишкой и грушей и стал лить одеколон мне на голову.

— Петрович, — заговорил я, — зачем же. . . у меня же. . .

Но он ничего не ответил. Я поглядел в зеркало и увидел, что он не смотрит на меня, а сам всё нажимает и нажимает на грушу, а одеколон всё льётся и льётся, вот уже и за ворот мне полился, и на лицо. . .

Петрович вдруг быстро поставил на стол одеколон, почти пустую бутылку, и стал быстро-быстро меня причёсывать: раз-два, раз-два, раз-два!

— Всё. Всё готово. Теперь уже всё, — говорил он. — Не вздумай платить. — Потом вдруг встал между мной и зеркалом и поглядел на меня. А я на него.

— Всё, — сказал он. — Полный порядок. Ай да красавец! А я уезжаю. Прощай. Может, и не увидимся.

— Куда? — спросил я. — Куда же ты уезжаешь?! Надолго? Навсегда?

— Да, — сказал он. — В Хабаровск. Жене там дают квартиру. Она будет самый главный инженер. Всё. Прощай. Иди, парень. Следующий! — крикнул он, поднял меня с кресла и подтолкнул к выходу.

Я оделся и вышел на улицу.

Я стоял перед парикмахерской, держа в руках шапку, и не уходил. Потом он сам вышел, в своём белом халате.

— Иди, — сказал он.

— Иду, — сказал я. — Ладно.

— Иди-иди. Ну, чего же ты стоишь?!

— Иду, — сказал я, — уже иду.

Он повернулся, и дверь за ним закрылась. Я пошёл домой.

Я шёл мимо «Всё для малышей» и «Канцтоваров».

Мимо магазина «Синтетика» и мимо бани.

Мимо детсада № 66.

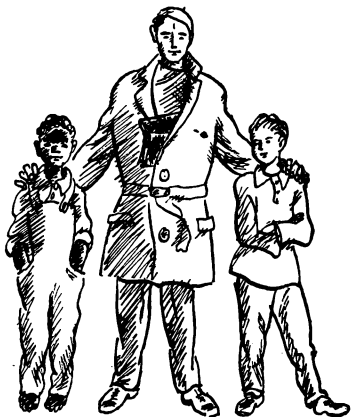
Мимо «Пышек». Очень вкусные пышки.

Потом постоял немного на углу Лётной улицы.

Потом возле булочной-кондитерской.

«Чик-чик-чик, — прошептал я, закрыв глаза. — Чик-чик-чик. Лети, мой корабль. А вот и мой дом. Чик-чик-чик».

МОИ ДРУЗЬЯ ДЖИММИ И ВАСИЛИЙ

Я возвращался потихонечку из школы домой в хорошем настроении. И ни о чём таком особенном не думал. Мне казалось, вот приду я домой, попью чаю, поделаю чего-нибудь с ребятами во дворе — и сяду за уроки.

Но когда я свернул на нашу улицу, я увидел в конце её эту машину. Машина была грузовая, большая, крытая, бока у неё были жёлтые, весёлые, а верх го-

лубой-голубой, и на боках крупно было написано: «Книги».

Я два раза обошёл вокруг машины и немного постоял перед радиатором. Из-под машины торчали ноги, наверное, шофёр что-то чинил у неё внизу.

Про себя я похвалил его за старательность, обошёл машину ещё раз и залез в открытую дверцу сзади. Чтобы никто меня не заметил, я тут же и закрыл её. Не знаю точно, стал ли бы я залезать в эту машину, если бы на ней было написано «Мебель» или даже «Мороженое», но раз уж там было написано «Книги», — не залезть было просто страшной глупостью. Я бы никогда себе не простил такого. «Чудесная машина, — подумал я, — сколько книг здесь!»

В маленькое окошечко из кабины шёл свет. Под окошечком была скамейка, а по бокам полки с книгами до потолка. Я взял с полки первую попавшуюся, сел на скамейку и принялся читать.

Это была повесть про американского мальчика Джимми. Отец Джимми был рабочим, они вдвоём всё время разъезжали по фермам на своём красном спортивном автомобиле в поисках работы. По правде сказать, этот автомобиль только когда-то был красным, и уж совсем не спортивным, это они только так его называли, для собственного удовольствия, и потому ещё, что всё время мечтали о таком. Ничего у них, кроме этого автомобиля, не было. И вот однажды, когда отец куда-то ушёл, какие-то гады угнали автомобиль, и Джимми, оставив отцу записку, отправился на поиски.

Я представил себе, как Джимми идёт и идёт по пыльной дороге, мне стало жалко его и захотелось помочь ему. Я подумал, что вот мы вместе, он и я — товарищи, и вместе идём по пыльным дорогам, усталые

и голодные, и всё спрашиваем у фермеров и прохожих, не видели ли они двух гадов в красном спортивном автомобиле. Я смущался и толкал Джимми в бок, — дело ведь было серьёзное, — «ну, не в очень красном», — говорил Джимми и объяснял, как выглядит машина. Ох, как мне его было жалко! Я сказал Джимми, — плевать, в конце концов, на автомобиль, и пусть они вместе с отцом переезжают жить к нам в Советский Союз.

— Я бы с великим удовольствием, — сказал Джимми. — И я и отец, мы оба с великим удовольствием.

Но, видно, красный автомобиль не давал ему покоя, и он заговорил вдруг о каком-то негре, по фамилии Вильямс: как жаль, что его нет с нами, а то бы он обязательно нам помог.

— Ох уж этот негр! — сказал Джимми. — Господи, и куда он только задевался. Он хороший парень, его зовут Кути, послушал бы ты, как он играет на трубе! Он бы нам помог.

Мы так и не нашли наш красный автомобиль в этот день. Мы оба были усталые — дальше некуда, мы отыскиали на поле стог с сеном, я прислонился к стогу спиной и... заснул.

Проснулся я оттого, что вдруг здорово качнуло. Я открыл глаза — Джимми рядом не было. Что-то шумело, что-то раскачивало меня. Я огляделся в полумраке, — по бокам были полки с книгами, сам я сидел на скамейке... И тут я всё понял: я заснул, а машина «Книги» куда-то везёт меня.

Я закричал, я забарабанил в кабину, и только тогда машина остановилась.

Шофёр открыл дверцу в кузов и некоторое время молча и с любопытством разглядывал меня.

— Откуда ты здесь взялся? — спросил он. — А ну, вылезь.

Я вылез из машины. Мы стояли на шоссе, а кругом были поля.

— Ой, — сказал я, — Ой-ёй-ёй, где это мы?!

— Тридцать километров хорошей дороги от города Ленинграда, — сказал он. — А ты кто такой?

Тогда я всё рассказал ему.

— Что же мне делать? Что же мне делать? — говорил я. — Что будет с мамой? Что будет с папой? Что будет с бабушкой? А сколько времени?

— Пять часов.

— Ой-ёй-ёй! — застонал я.

— Ну вот, ну брось, ну не надо, — сказал шофёр. — А то я заплачу. Садись в кабину. Махнём в ближайший колхоз и позвоним оттуда твоим по телефону.

— Замечательно! — крикнул я, и мы сели в кабину.

— А ты сам-то кто будешь? — спросил я, когда машина тронулась.

— Я шофёр, потому что люблю машины. И ещё я продавец книг, потому что люблю книжки.

— Сразу и то и другое? — спросил я.

— Сразу и то и другое.

— Так не бывает, — сказал я с сомнением.

— Когда любишь и то и другое, — бывает, — сказал он.

— А сейчас ты куда? — спросил я.

— В колхоз «Светлый путь», везу колхозникам книги.

— Я думаю, им понравится повесть про Джими, — сказал я. — Они будут ему сочувствовать. Ему и его отцу.

— Жалко парня, — согласился он.

— А ты разве читал?

— Ещё бы. Конечно.

— Ну, и нашел он свой красный автомобиль?

— Нет.

— Вот гады, — сказал я. — Только ты мне больше не рассказывай, я хочу сам дочитать эту книжку. Интересно, встретил он этого негра Кути Вильямса с трубой?

— Ладно, не буду рассказывать, — согласился он. — А как тебя зовут?

— Алёша, — сказал я. — Так сказать, Алексей.

Я хотел спросить, как зовут его, но тут мы стали заворачивать налево, налево. . . и остановились возле правления колхоза «Искра».

Мы вошли в правление, он объяснил в чём дело, и меня соединили с нашей квартирой.

— Папа! — закричал я. — Папа, как дела?!

— Хулиган, — сказал он. — Тут мать из-за тебя. . .

— Папа! — продолжал я кричать. — Я не хулиган. Я попал в одну историю. . .

— История будет дома, когда вернёшься, — мрачно сказал папа, и тут я услышал голос мамы, вернее, всхлипывания.

— Алёша, где ты?

— Мама! Дорогая мамочка! Я в колхозе «Искра» и скоро буду дома. Часика через полтора. Я сел в машину и уснул — и далеко уехал.

— Ничего не понимаю, — всхлипнула мама.

— Я здесь с одним очень хорошим человеком, он заедет к нам в гости потом, чаю выпьем, вот увидишь. . .

— Где ты, Алёша? — ещё раз всхлипнула мама. Шофёр взял у меня трубку и сказал;

— Мамаша, не волнуйтесь, пожалуйста, сейчас мы отвезём вашего мальчика на станцию, посадим в электричку, и он скоро будет дома.

Мы повесили трубку, сказали «спасибо» в правлении и поехали на станцию.

— А что это ты делал со своей машиной возле нашего дома? — спросил я.

— Там у меня тётя живёт, в пятой квартире.

— А мы в семнадцатой, приходи в гости.

— Спасибо, — сказал он, — обязательно зайду.

На станции он купил мне билет и дождался, когда подойдёт электричка.

— Прощай, — сказал я. — Счастливый тебе путь до колхоза «Светлый путь».

Он ещё раз сказал мне «спасибо» и снова пообещал, что придёт к нам в гости.

— Привет папе и маме, малыш! — крикнул он. Электричка тронулась.

— Ой, а как тебя зовут? — вспомнил я.

— Василий! — закричал он. — Васи-и...

Платформа исчезла.

Я вошёл в вагон и стал смотреть в окно.

А потом, уже до самого города, я думал о Джимми и о моём новом друге Василии, у которого сильные руки и целая машина хороших книжек.

КОРОВИЙ ДОКТОР

Ни за что вам не угадать, какие звери жили у нас с братом Павкой в комнате. Думаете, кошки там или щенки?!

Два ежа, вот кто у нас жил, — два ежа, черепаха Лиза, три белки и попугай. Я уж не говорю о разных рыбах и белых мышах. Этих было полно. Постоянно в нашей комнате что-нибудь пело, шуршало, пищало и щёлкало. Все говорили, что к нам войти нельзя, но

мы с братом Павкой были счастливы. Своих зверей мы кормили и лечили.

— Ты кем будешь, когда совсем вырастешь? — спрашивали друг друга мальчишки во дворе.

— Трактористом.

— Ого! Здорово! А ты?

— Как и папка, на завод пойду, слесарем.

— Тоже не худо. Без слесарей какая жизнь.

А ты?

— Бухгалтером.

— Кем, кем? Бухгалтером?!

— Да нет. Я пошутил. Корабли буду строить.

— Молодец, если не врешь. Строй лучше прежних.

— А я буду учителем физики и рисования.

И только у меня мальчишки ничего не спрашивали. «Этот будет коровьим доктором, — говорили они небрежно. — Коровий доктор «номер два». Лечит своих мышей и овец».

— Врёте вы всё, нет у меня овец, — отвечал я.

— А-а, какое это имеет значение, — говорили мальчишки.

Они много ещё болтали разной ерунды, но в одном они были правы: и я и мой старший брат Павка — я был «номер два» именно потому, что он был «номер один», — собирались стать ветеринарами, то есть докторами у животных. Не разводить животных, не охотиться — а лечить.

— Учителем физики и рисования нельзя стать одновременно, — как-то сказал я Генке, — а мы с Павкой вырастем и станем ветеринарами.

— Если захочешь, — всё можно, — сказал Генка.

— А мы с Павкой, когда вырастем, станем ветеринарами, — повторил я.

— Один уже вырос, — сказал Генка, — худой,

длинный и слабый. Всё равно коровьего доктора из него не получилось.

Это тоже была правда. От первого до последнего слова.

Я ещё ничего не рассказал о Павке. Павка был мой брат, он был старше меня на целых семь лет. Он собирался стать ветеринаром, закончил десять классов и подал заявление в ветеринарный институт. Он был — Генка не врал — длинный, худой и слабый. Он получил две тройки на экзаменах, и в институт его не приняли. Все мы очень расстроились и стали думать, что делать Павке дальше: то ли идти работать на завод, то ли в зоосад — сторожем или научным сотрудником, кем удастся.

Папа сказал, что на завод: пусть парень потрудится своими руками и узнаёт жизнь.

Мама сказала: в зоосад, поближе к любимому делу.

Я колебался, склоняясь в то же время к тому, что сказала мама. Пока мы все думали, Павке пришла повестка, что его призывают в армию. И через некоторое время мы узнали: Павка будет моряком. Не слесарем, не ветеринаром — а моряком.

Папа был доволен, хотя и говорил, что будет скучать; мама плакала, расставаясь с Павкой, и говорила, чтобы Павка был всем примером во флоте; я не плакал, глядя на худого, длинного и слабого моего брата Павку, я думал. Я думал: вот уезжает Павка, будет у него другая жизнь, прощай, дорогие животные, и белую мышку Веру, которая вчера чем-то захворала, я буду лечить один.

Павка уехал.

Я продолжал учиться в школе, ухаживать за больной мышкой Верой и готовить себя в ветеринары.

Прошло много времени, и вот однажды, в начале лета, утром, когда папа и мама были на работе, а я вколачивал гвоздь в новую клетку для белок, дверь отворилась, и вошёл длинный моряк с большим чемоданом в руке. У него были мускулистые руки и широкая грудь.

— Не может быть! — закричал я, а потом добавил: — Что вы хотели? Вам кого?

— Не валяй дурака, — сказал моряк, ставя чемодан на пол. — Родного брата на «вы» называть. . .

— Не может быть! — закричал я снова. — Вы не мой брат, вы другой моряк, вы вообще другой человек с сильными мускулами и широкой грудью! У моего брата не так!

Конечно же, я узнал его, это я так кричал, от восхищения. Все звери зашевелились и запели, потому что они тоже узнали его. Черепаша Лиза — та прямо бежала к нему навстречу.

— Здорово, — сказал моряк и поцеловал меня. — Ну, как дела? Новая клетка? А как зверюшки живут? Я в отпуск приехал.

— Ой, Павка, — сказал я. — Какой же ты стал замечательный!

— Ну-ну, ладно, — сказал Павка. — Пока старики на работе, пойдём гулять, побродим по городу, я соскучился.

И мы пошли. И Генка с нами пошёл. Он сидел во дворе и ничего не делал, так просто, стругал чего-то. От нашего дома на улице Чайковского до самого Невского я всё боялся, что Генка упадёт от удивления. Он всё смотрел на брата и никак не мог поверить. Павка сказал, что давно не пил газированную воду, что он соскучился, и на каждом углу покупал себе стаканчик газированной воды. Потом мы втроём

съели килограмм пломбуру и когда вышли, стояла уже такая жара, что мы решили покататься на лодке. Мы проплыли почти всю Фонтанку и очутились на Неве — поближе к морю, как сказал Павка. Никогда я ещё не плавал на лодке так быстро и красиво. Павка сидел на вёслах, болтал с нами о всякой всячине и грёб совсем без напряжения, будто и не замечал, что у него вёсла в руках.

— Замечательно быть моряком! — воскликнул я.

— Хочу во флот! — воскликнул Генка.

— Эх, ты, — сказал мне Павка, — а сам-то всё время твердил: «Буду ветеринаром, животных лечить».

— Я «эх ты»? Это я «эх ты»?! — обиделся я. — Это ты «эх» и Генка «эх», а я просто сказал, что замечательно быть моряком, просто сказал и ничего такого, а вот ты уже моряк и лечить не будешь!

Павка рассмеялся.

— Да здравствует морская жизнь! — закричал Генка, щупая Павкины мускулы. — Да здравствует голубой простор без конца и края! Да здравствуют тельняшки и походные песни! И сильным мускулам тоже — ур-ра! А кому охота иметь хилый вид и скучную жизнь, пусть лечит своих коз и мышей, пусть будет коровьим доктором, пусть. . .

— Но-но, малёк, — остановил его Павка. — Смени направление. Полегче насчёт коровьего доктора.

— Можешь не защищать меня, — продолжал я сердиться на Павку. — Не больно-то нужно.

— Ты меня не понял, — сказал Павка задумчиво. — И зря ты меня «эх» назвал. Не думай, что я забыл, что хотел стать ветеринаром. Не забыл я. Вот отслужу на флоте. . .

— Павка, — сказал я.

— ...и снова подам заявление в ветеринарный институт...

— Дорогой Павка! — обрадовался я.

— ...и стану ветеринаром. Обязательно. Мне без этого никак. Так уж я решил. . . давно ещё. . .

— Ура! Ура! Ура! — закричал я.

Генка раскрыл рот и ничего не понял.

— А химии и физики я не боюсь, — сказал Павка. — Тогда мне по ним тройки поставили, а теперь будет по-другому. Химию буду учить изо всех сил, а физику я и так уже на зубок знаю. Ведь я не просто моряк, я моряк-радист.

— Вот это я понимаю! — сказал Генка. — Моряк-радист! А то коровий доктор, тьфу. . .

— Ладно, парень, — сказал Павка. — Брось.

— Не серди ты его, — посоветовал я Генке. — Не забывай, что у него теперь всё по-другому: мускулистые руки и широкая грудь.

— Да уж. . . — сказал Генка.

Он так ничего и не понял.

АЙДА В БОЛИВИЮ

Было часов шесть вечера, я сделал уже все уроки и гулял в саду.

И вдруг — что я вижу! Сидят два старичка в чёрных пальто и чёрных шляпах. Сидят на скамеечке и рассматривают книгу.

Я зашёл к ним со спины и между шляп заглянул вниз.

Какое там было дерево! На картинке. Высокое! Такое высокое, что люди, стоявшие у его корней, выглядели совсем маленькими, а те, что плыли по реке, позади дерева, были ещё меньше. Они плыли и размахивали руками и, наверное, кричали тем, первым, что-то грозное и воинственное. Кругом, прямо из земли, росли листья, огромные, раза в два повыше человека, и среди них я увидел хижины. Вот бы туда, подумал я, в эти самые места, сесть на лодку и поплыть!

— Итак, дорогой коллега, — произнёс старичок, сидевший слева, — это дерево, столь необходимое нам в наших опытах, растёт, в частности, в Боливии, и самое печальное, что оно никогда не росло под Москвой. Как мы изготовим наше лекарство без этого дерева, — не знаю.

— Увы, увy! — произнёс второй. Потом оба встали.

— Боливия, — сказал я, — это что такое?

— Страна, — обернувшись, ответили старички и пошли к выходу.

Я задумался. Страна... Где?

Подумав минутки три, я понял, что не знаю, где находится такая страна. Я вспомнил озеро с забавным именем Тити-Кака и водопад Ниагару, я представил себе Берег Слоновой Кости, и страну Исландию, и реку Оранжевую даже — но где Боливия, я не знал.

— Играем в мяч? — сказали ребята.

— Боливия, — сказал я.

— Что?

— Страна такая.

— Пошли играть, — сказали ребята.

— Боливия, Боливия, — сказал я, — Боливия, — повторил я и быстро пошёл домой.

Что я знал? Я знал, что в Боливии растут деревья, каких под Москвой не бывает, я знал ещё, что Боливия — это страна. Но я не знал, где она находится, и я понял, что не успокоюсь, пока не узнаю, где она.

Возле выхода из сада я на всякий случай огляделся, — нет, куда там, старички исчезли. Я заторопился домой.

— Мама! — закричал я, влетая в комнату.

— В магазин ушла, — сказала бабушка.

— Бабушка, — сказал я, — где Боливия?

— Какая? — спросила бабушка.

— Страна такая, — сказал я, — Боливия.

— Не знаю, милый, — сказала она, — откуда нам знать, мы в классах не обучались. Это вам теперь счастье, хочешь учиться — учись. . .

— Боливия, Боливия, — повторял я, — страна такая. . .

Я постучался к нашему соседу, Анатолию Генриховичу. В квартире говорили, что он поэт и пишет книжки. Он сидел, подняв голову кверху, с карандашиком в руке.

— Анатолий Генрихович, — сказал я, — где Боливия?

— О! Боливия! Синее бездонное небо. . .

— Где она находится?

— Далеко. Оч-чень. Там, где сизые воды Атлантики лижут жёлтый прибрежный песок, там, где пальмы отбрасывают длинные тени. . .

— Это где? — спросил я. — Далеко от Москвы? Или, может быть, вовсе в Африке?

— Что?

— Где эта Боливия находится?

— Ма-альчик, — сказал он, — я занят. Я занят, потому что пишу стихи. Ступай!

— А жена ваша дома? — спросил я уже в дверях.

— Она на примерке у портнихи. Ну, ступай же...
О-о! — забормотал он. — «Я всё хожу и нахожу стихи...»

Я отправился на кухню. Мама уже пришла и возилась с обедом. Я хотел было спросить у неё про Боливию, но дверь отворилась и вошёл папа. Вернулся с работы. Папа у нас умный и занимается физикой.

— Папа! — закричал я. — Здравствуй!

— Здравствуй, здравствуй.

— Папа, где Боливия?

— Потом, потом, — сказал папа, — немного попозже.

— Папа, — сказал я, — я очень, очень хочу знать, где Боливия. Неужели ты не знаешь, где Боливия?!

— Постой, постой. Мне не до этого. Своих хлопот хватает.

— Мама! — воскликнул я.

— Оставь мать в покое, — строго сказал папа. — Не до этого ей.

Я вспомнил про соседку Валю.

— Валечка, — входя, спросил я Валю, — где Боливия, не знаешь?

— Не знаю, Андрюшенька, не знаю, миленький, и вообще, когда я тороплюсь на танцы, лучше ко мне не приставать. Не приставать, — повторила она. — Не при-ста-ва-ать, — пропела она.

Я тихонько закрыл за собой Валину дверь. Больше соседей не было.

Я открыл дверь из квартиры и вышел на лестницу.

Снизу поднималась девушка-почтальон.

— Здравствуйте, — сказал я, — не знаете случайно, где Боливия?

— Что?

— Где находится страна Боливия? Не знаете?

— Знаю, — сказала она.

Я так и сел.

— Где? Где она находится?!

— Успокойся, успокойся, — стала упрашивать меня девушка, снимая с плеча здоровенную сумку. — Ох ты, горе моё, как же нам быть-то, а? Карта есть?

— Не-а.

Она взяла с пола обгоревшую спичку и прямо на стене («Как бы не влетело нам», — подумал я) стала что-то быстро рисовать. Я присмотрелся, и сердце у меня замерло. Как ловко она всё изобразила! Я увидел и узнал Америку. Все заливы и проливы. И острова. Полуостров Флорида был прямо перед моим носом.

— Здорово! — воскликнул я.

— А Южную Америку узнал? — спросила девушка.

— Ещё бы! Вон она. Чуть пониже.

— Не пониже, а южнее. Вот здесь, — ткнула она спичкой в стену, — рядом с Бразилией и Аргентиной и находится Боливия. Понимаешь?

— Понимаю, — сказал я, — конечно, понимаю. Откуда тебе всё это известно?

— Люблю, — зажмурилась она, — люблю мечтать про разные страны. Дома у меня книжек полно... Остров Пасхи, Конго, Боливия...

— Там огромной высоты деревья, — сказал я, — и жаркое солнце, и большущие листья растут прямо из земли. Айда в Боливию?!

— До свиданья, — улыбнулась она мне, подымая на плечо свою здоровенную сумку. — Мне некогда, разношу письма.

И она взлетела вверх по лестнице.

Я побежал вниз. Теперь я знал, где растут замечательные деревья, по которым так сокрушались старики-учёные. Я решил, что обязательно отыщу их, этих старичков, чтобы побольше узнать у них про страну, где деревья выше домов, а солнце печёт целый день и длинные лёгкие лодки быстро скользят по реке.

Кто ж его знает, может, потом и удастся вырастить эти деревья и у нас под Москвой?..

ОТТУДА, ИЗДАЛЕКА

Я тихо открыл дверь в класс и пошёл по тёмному классу к своей парте. Потом я попробовал в темноте крышку у парты — как она, не скрипит? — и это была совсем не моя парта, я свою знаю. Я быстро нашёл свою, поставил вместо чужой, скрипучей, сел один, а свет не зажёл, и стал смотреть в окно, на фонари в темноте, и думать про то место, откуда я приехал к тётке.

Я люблю приходить первым в школу, самым первым, и сидеть в темноте и смотреть в окно, на фонари, а потом вдруг услышать далеко-далеко шаги и голоса и слушать, как они приближаются, а потом в класс вбегают ребята и девчонки. . . Я всегда так делал, там, где я жил раньше, и теперь так делаю, потому что люблю и ещё потому, что думаю про то место. Только здесь светает раньше, и я прихожу в школу совсем рано, а когда наступит весна, я уж совсем не знаю, как быть.

Меня иногда спрашивают: «Ты откуда приехал?»

А я, может быть, не хочу об этом рассказывать, не хочу — и всё, и я всегда говорю:

— Оттуда, издалека.

А кому этого мало, те говорят:

— Откуда «оттуда»?

А я говорю:

— От верблюда. Всё. Ясно? Понял?

Кому какое дело? Может, им ещё про это расскажи, да про то, да? Никого это не касается.

Я сидел в темноте и смотрел в окно, на фонари, и думал, что там сейчас снег и двор возле школы весь белый.

«Весь белый, — думал я, — весь белый, белый-белый. . .» — и вдруг услышал, как далеко-далеко, в самом конце коридора, идёт кто-то, и звенит ведро, и ключи брякают.

Он шёл долго, медленно, я совсем извёлся, а он всё-таки отворил дверь в наш класс, и я увидел, что это нянечка. Она громко стукнула ведром об пол, и я вдруг жутко напугался, что она зажжёт свет, и ещё, что я её напугаю, и я громко сказал:

— Не надо свет!

— Ой! — сказала она. — Ой, здесь кто?!

- Я, — сказал я.
- Кто ты?
- Я. Ну... мальчик, ученик...
- Ох, — сказала она и села на парту вдалеке от меня, а свет не зажгла. — Я напугалась. Так нельзя.
- Что нельзя? — спросил я.
- Пугать так нельзя. Я вся обомлела.
- Извиняюсь, — сказал я. — Трусиха.
- Трусиха, — согласилась она. — Я трусиха.
- В два раза тебя старше, а такая трусиха.
- Тебе скоро двадцать четыре? — спросил я.
- Уже двадцать семь.
- Стыдно, — сказал я.
- И нисколько, — сказала она и добавила: — Так и будем сидеть без света.
- Тебе же нужно? — сказал я.
- Не нужно. Я ещё вчера всё убрала и чернила налила. А потом я написала на доске «Митя» и не стёрла, забыла. Пришла стереть.
- Ну зажги, — сказал я.
- Я могу и так, — сказала она. — В темноте.
- Ты всё видишь? — спросил я.
- Всё. Я привыкла.
- Из окна в тёмный класс падал свет фонарей, и я видел, как она сидит на парте, маленько согнувшись, и смотрит на тёмную доску и не спрашивает, почему я здесь сижу в темноте, и я сказал:
- Смотри, как здорово, в окне.
- Она повернула голову и сказала:
- Ага.
- А ещё лучше, когда снег, — сказал я. — У нас на Севере сейчас снег.
- И ты там был? — спросила она.

- Был.
- Долго?
- Всю жизнь, — сказал я.
- Всю жизнь, — повторила она. — Ну. . . ещё.
- Что «ещё»?
- Как там. Расскажи. Если хочешь. . .
- Она так и сказала: «Если хочешь».
- Я не люблю, — сказал я, — об этом.
- Почему? Или тогда не надо. . .

Но я уже говорил.

Я говорил:

- Видишь ли. . . Там. . . там у меня папы не стало.

Он погиб. Он геолог был. Я у тётки здесь живу. Я не люблю рассказывать. Я много про те места знаю. Про собак, про охоту, про самолёты, про снег, про всё. Я не хочу никому про это рассказывать. Кому какое дело. Это никого не касается.

Она встала с парты, подошла к доске и вытерла её тряпкой. Потом она подошла ко мне, села рядом, и мы долго молчали.

— Я не люблю ни с кем про это говорить, — сказал я.

— Не надо так, слышишь? — сказала она. — Расскажи ребятам про собак, про охоту, про самолёты, про всё, и про снег, слышишь?

— Нет, — сказал я. — Я могу только тебе. Приходи завтра утром и потом ещё, пока не надоест, — я долго могу рассказывать.

— У меня есть жених, — сказала она. — Митя. Лётчик. Он работает на Севере, далеко, и я скоро к нему еду. Послезавтра.

— Это хорошо, — сказал я, — значит, я к тебе не успею привыкнуть. А ты зачем нянечкой работаешь?

— Я не люблю без дела сидеть, целый месяц надо было ждать, пока он мне письмо пришлёт, чтобы я ехала.

— Он не разобьётся, ты не бойся, — сказал я. — Он где?

— Он в Якутии.

— Они там не бьются, — сказал я. — Что верно, то верно. Уж там-то они точно не бьются.

— Они бьются везде, — сказала она. — Может, и не часто, но везде. Такая работа. Её нужно делать.

— Но уж он-то будет летать, не завалится, — сказал я. — Я знаю. Это точно. Ты только не бойся, — сказал я.

— Спасибо, — сказала она. — Слышишь, ребята идут...

— Да, — сказал я. — Уже светает.

— Я пойду, — сказала она.

— Да-да, — сказал я. — Тебе ведь ещё собирать-ся надо.

— Да. А ты не прячься от них, — сказала она.

— От кого? — спросил я.

Но она уже уходила, а в класс вбегали ребята и девчонки, все орали и пели, а потом зазвенел звонок и пришла наша Евгения Марковна. Она улыбнулась, и стало тихо. Было тихо-тихо в классе и светло, и я вдруг почувствовал, что нос у меня задёргался, а внутри, в горле и в груди, что-то защемило, заныло, что ли, и сейчас, вот сейчас я засмеюсь и заплачу...

— Дома вы сами должны были прочесть про Северный Ледовитый океан, — сказала Евгения Марковна. — Кто хочет отвечать?

— Я, — сказал я. — Я расскажу.

СОДЕРЖАНИЕ

ДОМ В СТО ЭТАЖЕЙ

Маленькая повесть

1. Про синий бант	5
2. У машины четыре колеса	10
3. Вот какая песня	17
4. Тётя Груша	20
5. Дом в сто этажей	27
6. Прощай, моё красное платье	35
7. «Я буду морским водолазом»	41
8. Если бы мама видела	48
9. Совсем, совсем не ожидала	52
10. Лётчик Тим	58
11. Чёрное море	64
12. Кто эта девочка?	72

РАССКАЗЫ

Лети, корабль мой, лети	79
Мои друзья Джимми и Василий	86
Коровий доктор	92
Айда в Боливию	98
Оттуда, издалека	104

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Присылайте нам ваши отзывы о прочитанных вами книгах и пожелания об их содержании и оформлении.

Укажите свой точный адрес и возраст.

Пишите по адресу: Ленинград, Д-187, наб. Кутузова, 6. Дом детской книги издательства «Детская литература».

ДЛЯ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

Вольф Сергей Евгеньевич

ДОМ В СТО ЭТАЖЕЙ

Ответственный редактор *Э. Г. Меркулова.*
Консультант по художественному оформлению
Ю. Н. Киселев.

Технический редактор *Н. М. Сусленникова.*
Корректоры

Л. К. Маляко и К. Д. Немковская.

Подписано к набору 11/III 1964 г. Подписано к печати 5/V 1964 г. Формат 60×84¹/₁₆. Печ. л. 7. Усл. печ. л. 6,39. Уч.-изд. л. 4,07. Заказ № 314. Тираж 100 000 (1—50 000) экз. ТП-1964 № 212. Ленинградское отделение издательства «Детская литература». Ленинград, Д-187, наб. Кутузова, 6.

Цена 24 коп.

Фабрика детской книги № 2. Ленинград,
2-я Советская, 7.

**ЧИТАЙТЕ КНИГИ,
выпущенные для вас издательством
„Детская литература“**

**Воскресенская З.
ЗОЙКА И ЕЕ ДЯДЮШКА САНЬКА**

Повесть
Илл. Г. Алимова
М., 1963, 48 стр.

**Георгиевская С.
БАБУШКИНО МОРЕ**

Повесть
Рис. Н. Цейтлина
М., 1962, 126 стр.

**Железников В.
ЧУДАК ИЗ ШЕСТОГО „Б“**

Рассказы
Рис. Н. Цейтлина
М., 1963, 175 стр.

**Козлов В.
ВАЛЕРКА-ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. — НА СТАРОЙ МЕЛЬНИЦЕ. — КОПЕЙКА**

Рассказы и повести
Рис. А. Давыдова
М., 1964, 399 стр.

**Кршижановская Е.
ЧЕЛОВЕК РЕШАЕТ САМ**

Повесть
Рис. Г. А. В. Траугот
Л., 1963, 93 стр.

**Медведев В.
БАРАНКИН, БУДЬ ЧЕЛОВЕКОМ!**

Повесть
Рис Г. ВАЛЬКА
М., 1963, 144 стр.

**Носов Н.
ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТОЛИ КЛЮКВИНА**

Рассказы
Рис. И. Семенова
М., 1963, 78 стр.

**Туричин И.
АНДРЕЙКИН СЧЕТ**

Рассказы
Илл. В. Бескаравайного
Л., 1962, 45 стр.

**Цюрупа Э.
ОЛЕШЕК**

Повесть
Рис. Ю. Ракутина
М., 1963, 126 стр.

**Яковлев Ю.
СОБИРАЮЩИЙ ОБЛАКА**

Рассказы
Рис. В. и Л. Петровых
М., 1963, 110 стр.

